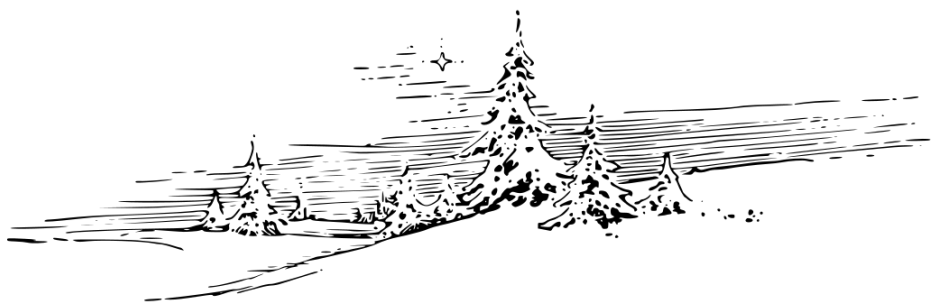

Наталья Стеркина

Посланцы *будущей зимы*

Издательство «Перо»
Москва, 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С79

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

С79 Стеркина Н. И.
Посланцы будущей зимы. – М.: Издательство «Перо»,
2020. – 92 с.

ISBN 978-5-00150-929-5

В книгу «Посланцы будущей зимы» вошли новые рассказы, короткие пьесы и сценарий. Это смешные и грустные истории. Истории о том, что с нами когда-то случилось. Или привиделось...

ISBN 978-5-00150-929-5

© Стеркина Н. И., 2020

О книге Натальи Стеркиной «Посланцы будущей зимы»

У Натальи Стеркиной есть романы «Соучастница» и «Отворот-поворот». Эта её протяжённая сюжетная проза, держащаяся на каркасе сквозного действия-сюжета, распадается на увлекательно разыгранные мизансцены, удивляющие и даже поражающие неожиданными поворотами и развязками. Более всего писательнице удаются небольшие рассказы-розыгрыши, миниатюры и зарисовки. Обстановка действия, острохарактерные, иногда шаржированные герои взяты из текущей повседневности, проживают и взаимодействуют в квартирной или в офисной тесноте, в уличной сутолоке, в транспортных средствах, в кафе и барах, на скамейках и в закоулках большого города (лишь иногда на природе, на пленэре). В комической миниатюре «Договор о намерениях» герои встречаются на крыше, и абсурдность ситуации подчёркивается абсурдностью повода для взаимодействия и странного диалога двух персонажей мужского пола, из чего, впрочем, выглядывают остро подмеченные черты текущей действительности, богатой на всякого рода «финансовые неожиданности».

Художественной палитре Стеркиной свойственна акварельная размытость красок, а иногда – мгновенность карандашной зарисовки, как в миниатюре «Сухой букет». Вообще, характерной чертой поэтики этого автора является своего рода скоропись. Автор, не мешкая, спешит зафиксировать ситуацию, положение, контур, дать рисунок. Но получаются не этюды, а законченные вещи. В тоже время для письма Стеркиной характерны нюансировка и тщательная интонированность и проработанность фразы. В её повествованиях нередко встречаются паузы, пропуски само собой разумеющегося. Логика развития событий не прописывается целиком, а скорее, угадывается. Это делает рассказы интригующими, затягивающими в себя. Живописуя взаимоотношения мужчин и женщин, разного рода адюльтеры, Стеркина ни-

когда не впадает в морализм, часто свойственный женской прозе. Она избегает банальности, тривиальности, и в этом состоит не поддельная, не сделанная новизна её художественного взгляда на обычные вещи и стёртые ситуации.

Наталья Стеркина рисует нам распадающийся на атомы мир. Всё усиливающаяся обособленность индивидуумов, несовпадение людей, их случайные, короткие, обрывающиеся связи, порой приводящие к драматическим последствиям, – вот её красочное, карнавальное, играющее многими красками пространство. У Стеркиной узнаваемый почерк, острый, ироничный, но и сочувствующий взгляд. Несомненно, она сложившийся, интересный и актуальный современный художник русского слова.

*Олег Мраморнов,
член Союза писателей Москвы*

Пьесы

РОДИНКА

(одноактная пьеса)

Ольга – современная женщина, примерно 43 года

Петр – современный мужчина, примерно 43 года.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Небольшой дачный участок: цветник, скамейка.

Появляется Ольга, у нее усталый вид.

Ольга. Автобусы ломаются, лямки у рюкзака отрываются. Не хватало еще, чтобы ключи забыла! (*Вытряхивает из сумки вещи*).

Появляется Петр, он налегке, опирается на трость.

Петр. Извини, Оль, на целых двадцать минут...

Ольга. У тебя ключи есть?

Петр. Конечно. И у тебя есть (поднимает с земли связку ключей и шарф)

Петр. Паниковала?

Ольга (*садится на скамейку*). Ты отрастил бороду. Так захотела она?

Петр. Привет, Оль (*целует в щеку*).

Ольга. А где рюкзак?

Петр. Я сегодня же обратно.

Ольга. Так. Так. Понятно. Забрали они тебя в руки.

Петр. Ее отец хороший человек.

Ольга. Перестань мне напоминать, что у меня отца не было!

Петр (*устало*). Оля-Оля, что с тобой случилось?

Ольга. Ладно. Открывай дверь.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Дачная комната: симпатично, уютно, стильно. Ольга пришивает лямку, Петр пьет чай.

Ольга. Ты по-прежнему на болеутоляющих?

Петр. Дозу снизили.

Ольга. Нет, я не понимаю...Ты устроил их, помог с врачами. А дальше, дальше, что будет? Ты снимешь квартиру и заберешь их?

Петр. Я не знаю.

Ольга. Ну, я могу уйти. Васька пусть снимает что-то. Они же заслужили!

Петр (*запальчиво*). Не понимаешь? Не понимаешь, когда сердце от жалости, от такой... У-у...Невозможно видеть. Ведь ей же руки по косточке, по косточке собирали. Зое.

Ольга (*едко*). Зоеньке! Ты же обычно так говоришь? А я что, когда тебя увидела с ногой раздробленной, каменной, что ли, была? Но моя жалость, моя, моя тебя ведь никак не трогает?

Петр. Не знаю. Я не анализирую. Мне кажется, ты бы могла понять...

Ольга (*с иронией*). Что со мной скучно, серо. А она сверкает, манит.

Петр. Да, так тогда сверкало! Так гремело! Они же подвернулись мне под ноги. Мы же одним клубком катались, пока санитары нас не расцепили. Но я-то на работе, знал, на что шел. А они, они мирные. Он старик, она девчонка совсем.

Ольга (*тихо*). Зоенька.

Петр (*холодно*). Оль, ты же не злая.

Ольга. Вроде бы нет, не была. Тебе вот раньше, я вроде бы... Сны мои записывал, говорил, что интересно со мной.

Петр. Ты пойми – у нее руки в гипсе. Ведь по косточке...

Ольга. Я слышала – по косточке собирали. Так я и говорю – живите все вместе. Заслужили. Васька тебя не осудит, а потому что все справедливо– тем, кому было хуже всех, должно стать хорошо и даже лучше.

Петр. Ты вообще о чем? Кто-то тебя разве просил о помощи, одолжении? Я просто тебе сказал, что во мне мозг, нервы сейчас на все откликаются. Вот увидел тебя – комок в горле. Васькин голос услышал, чуть не заревел. Родные. Живые.

Ольга бросилась к Петру, обняла.

- Ольга.** Прости, ну, прости. Ведь не разбежались пять лет назад, когда тебе все звонила эта, и позже, когда мелькал, ну, ты помнишь, этот. А сейчас... Привез ты ее и исчез для меня.
- Петр.** Оль, ну что тебе сказать... Да, если б ее не было, я был бы с тобой всегда. Но вспомни, откуда она взялась, где я побывал.
- Ольга** (*жестко*). Да, война. На войну посылают корреспондентов, они попадают под обстрел. Профессиональный риск. Все знаю. И в этом аду – она. Классический сюжет. Если б ее не было... В том-то и дело, что она появилась. Как новая родинка. Опасно прикасаться.
- Петр** (*растирает ногу*). К дождю разнылась. Знаешь, мы же там танцуем. Танцетерапия! И Михаил Федорович... Он хороший человек.
- Ольга.** Ты уже это говорил. И ты хороший человек. А я, видимо, нет. Не хочу, чтоб ты Ваську с ней знакомил.
- Петр.** Я жду его, обещал приехать.
- Ольга** (*запальчиво*). А мне обещал, что не поедет! У него сессия скоро! Тошно мне здесь. Думала, в Москве тяжелее. А тут, думала, в таком любимом, таком нашем... Теперь все изгадилось.
- Петр.** И все-таки, что уж так сейчас плохо, страшно? Мне положена реабилитация послеоперационная, вот и прохожу. Ты приезжать туда не хочешь. Ладно, понимаю – у тебя тоже посттравматический синдром. Назначила здесь – изволь. В чем дело? Что так бесит? Что Зоеньку мне до слез жалко, что не смотрю на нее равнодушно? Тебе завидно, что меня с ней эта черная напасть на букву «в» связала? На ее месте хотела бы оказаться, что ли?
- Ольга** (*тихо*). Все может быть... Все может быть. Я просто хочу, чтобы ты, ну, вот так же, как ее... Но меня-то ведь не за что, не за что...
- Петр.** Ну, перестань, перестань. Ты это ты. А с квартирой для них я что-нибудь придумаю. Нужно быстрее – их там не могут долго держать.

Ольга (вытирает слезы). Ладно. Все. Я провожу тебя до электрички.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Городская квартира. Ольга мечется по дому—то собирается куда-то звонить, то бросает телефон, то кидается к компьютеру, то курит в форточку. Наконец включает компьютер.

Голос за сценой. Наш корреспондент вышел на связь последний раз вчера в 23.15. По непроверенным данным Петр Головчиков попал под артобстрел. Мы все надеемся, что он жив. Следите за новостями.

Ольга (выключила компьютер). Дал о себе знать. Выбрался и вытащил двоих. Рассказал о бедной девочке. Нашел врачей. Впрягся помогать. А чего я хотела? Нет, чего я хотела, чтобы он притащил ее сюда? Была бы добрее... Но ведь не была! И сейчас не... Так чего беситься? Не могу же я пойти в военкомат или как там это называется – возьмите меня на фронт, меня – овцу такую. Не могу! Тем более, вообще не понимаю, кто там на кого и за что. Но ведь что-то я могу равное, что-то же я должна сделать подобное, чтобы... От всей души пригласить их? Но могу ли от всей? А так... Вот Петька гад, гад, гад! Разрушил дом наш, жизнь нашу.

Ольга бежит по квартире, то пепельницу освободить – на кухню, то умыться – в ванную и не слышит, как вошел Петр.

Ольга вбегает в комнату и налетает на Петра.

Ольга. Их выгнали? Их выгнали, пока ты ездил ко мне? Да? Воспользовались и...

Петр (берет ее за руки, удивленно). Нет, с чего ты взяла. Да, они уехали... Их забрали Родственник дальний из Воронежа. Вроде, сразу собирался, потом чего-то тормозил и вот...

Петр смотрит пристально на Ольгу, гладит ее по голове.

Петр. Ну-ну, эк тебя. Да-а, Оль. Такие дела. Да, Оль, такие дела.

Ольга (устало, растерянно, тихо) И что теперь? Что теперь?

ДЕРЖИТЕ ЗА РУКУ ДЕТЕЙ

(одноактная пьеса)

Площадь возле метро в центре Москвы. Играют музыканты: скрипка, альт, флейта. Публики немного, фотографируют, подходят, кладут деньги в футляр. Из метро выходят две дамы в шляпках, элегантные, стройные. Останавливаются послушать.

Дочь. Вот в метро все время звучит : «Держите за руку детей» – четырехстопный ямб. Так и хочется продолжить : «И отвлекайте от сетей».

Мать. Какая хорошая музыка. Только зачем они все в темных очках?

Дочь. Ты хочешь заглянуть в их нетрезвые глаза?

Мать (шокированная). Что? И что это за ерунда: детей – сетей...

Дочь (не дослушав). Mam, а в каком году Арбат офонарел?

Мать. Да, так когда-то говорили. В 86, кажется. А что это ты вдруг?

Дочь. А мне все интересно. Про эти места и...

Мать (перебивая). Так ты поэтому в «Белый»? Дурацкое название! Ресторан – по цвету.

Дочь (лениво). Ты прекрасно знаешь – жил Андрей Белый. В музее мы с тобой были. А мне там прикольно!

Мать (резко). Не выношу этого слова!

Дочь (весело). Не выноси – держи. Себя. В руках.

Мать (с иронией). Ответа нет. Каламбуры – отговорка. Пойдем, что мы тут застыли?

Дочь (безмятежно). Музыку слушаем. Так я про Арбат... Меня тут один гость спросил, когда эту плитку розовую положили? Я не знала, конечно. Потом посмотрела – тридцать лет держится. Тридцать!

Мать. Да, умели. Не то что...

Дочь. А отец ведь в те годы уехал?

Мать (отодвигаясь, сухо). В те... Да, в те.

Дочь (тихо). А мы не могли?

Мать (глядя в сторону). А мы не могли. Он был сирота, а у тебя были бабушка и дедушка.

Дочь (*поворачивая Мать к себе*). А это правда, что тебе коллеги на юбилей подарили торт «Прага» и написали «Рожденной на Арбате»?

Мать (*почти весело*). Люська рассказала?

Дочь. Ну да, она любит рассказывать анекдоты о вашей богадельне.

Мать (*запальчиво*). Библиотека не богадельня! У нас...

Дочь (*примирительно*). Знаю – знаю. Поэты, музыканты. Культурная программа...

Мать (*резко*). Лучше, чем бегать с подносами! Три языка! Высшее. Коту под хвост?

Дочь (*весело*). Зато на Арбате! Я же тоже родилась в Грауэрмана, как ты помнишь. И кстати, твоя коллега Люся – последний выпуск.

Мать (*удивленно*). Откуда ты знаешь?

Дочь. Она зарегистрировалась. И я тоже. Интернет, мам.

Мать (*иронично*). Держитесь дальше от сетей.

Музыканты откладывают инструменты, болтают между собой. Публика расходится.

Мать (*глядя на часы, нетерпеливо*). Ну, пойдём?

Дочь. Во, место свободное. Сейчас опять начнут. В кои веке – музыка хорошая, погода и время свободное.

Мать (*нервно*). Но нас ведь ждут!

Дочь. Вот я не понимаю: «Все движется любовью». У меня, может дружбой! Это я умею! Кстати, новых среди грауэрмановских нашла.

Мать (*устало*). Ну что за манифестация на ровном месте, как будто тебе четырнадцать, а...

Дочь (*устало*). А не тридцать пять.

Мать (*поднимаясь*). Нас пригласили к двум, сейчас уже почти половина.

Музыканты начинают играть.

Мать. Ну, идем же!

Дочь. Вот, начали. Какая мелодия хорошая.

Мать (*вновь усаживаясь*). Нас ведь ждут!

Дочь (*мрачно*). Множественное число не годится. Двое нас – он один. Может и сюда придти.

Мать. Да мне надоела эта музыка! К тому же они повторяются.

Дочь. Так ведь новые подошли. Это мы уже старожилы. У тебя ведь были друзья?

Мать. Были. Есть. О чем вообще мы говорим?

Дочь. О том, что я не пойду к нему. Ну, приехал спустя тридцать с лишним твой бывший муж. Профессор. Известный. Высокая цитатность А с нами, бывшими, запросто – в гостиничном лобби. Зачем это мне? И тебе не пойму, зачем.

Мать (*растерянно*). Но ты же сама подтолкнула! Я же колебалась

Дочь (*грустно*). Да тут вот музыка. И все по-другому видится. Нет, ты иди! Да, наверное, некрепко меня держали за руку.

Мать (*защищаясь*). Упрекаешь? Я же работала. Много. Но в театр же ходили, гости бывали.

Дочь (*успокаивая*). Ну, что ты, мам, какие упреки. Это у меня так болезненно протекает поиск «новой общности». Было же такое понятие? Я новый дружеский круг пытаюсь создать.

Мать. Ну, вспомнила... Все забыли – ей понадобилось. Общность! А друзья? Ненадежно это...

Дочь. Значит, все-таки их нет. Тебе одиноко?

Мать (*резко*). Хватит. Нервы уже не выдерживают! Пойдем!

Дочь. Не стоит. Не нужно. Мне. Нельзя меня уже взять с двух сторон за ручки и перенести через лужу. А ты иди. Я посижу тут или в кафе зайду. Буду рядом.

Мать. Скорее всего, это ненужно. И выйдет как-нибудь неловко, но я все же..

Они встают, на их место сразу плюхается тетка с хот – догом. Музыканты играют ту же медленную и красивую музыку, что и вначале.

ПОПУТЧИКИ

(Сценарий)

Катит из Риги автобус, пассажиров немного, среди них мальчик лет двенадцати. Обычный мальчик с рюкзаком и телефоном в руках.

Автобус этот, хоть и дальнего следования, высаживает и подбирает людей на всех остановках, а иногда и просто по требованию.

Автобус притормаживает. Пожилой мужчина дает водителю деньги. Девчонка – школьница быстро пробегает по салону.

На обочине остается странный человек: у него большие очки-хамелеоны, потрепанная джинсовая куртка, щегольская бейсболка, надета задом наперед. На руках огромные зеленые перчатки, с одной ладони на другую перескакивает рыжий кот. Его водитель не взял, сделав отрицательный жест рукой, когда он подошел к двери.

Мальчик смотрит в окно на удаляющуюся фигуру. Одинокую фигуру странного человека с котом.

Автобус прибывает на автостанцию Вентспилса. Мальчик бежит домой. Его кормит обедом симпатичная молодая мама. И вот он уже в музыкальной школе.

Учитель, полный темноволосый веселый человек, показывает аккорды на гитаре.

Мальчик выполняет задание, но невнимательно – ерзает, ошибается. Учитель не замечает – с увлечением пишет смс.

– Шамиль Георгиевич, а я сегодня видел дрессировщика кота – его почему-то в автобус не пустили.

Шамиль Георгиевич занят своей перепиской, отвечает механически:

– Пусть ездит в цирковой повозке!

Наконец он откладывает телефон и внимательно смотрит на мальчика.

– Сосредоточься, Вячеслав. Давай-ка еще раз. Концерт ведь скоро.

И опять катит автобус. Тот же мальчик, так же смотрит в окно, но остановка пуста. На выход никого нет, и водитель, не открывая двери, проезжает мимо.

А на автостанции в Вентспилсе представление. Рыжий кот подпрыгивает, кувыркается, выгибается дугой.

Людей мало, кто-то, улыбнувшись, проходит мимо, кто-то приостанавливается и бросает монеты в сумку.

Мальчик, выскочив из автобуса, бежит к артисту.

– Ваш продукт очень трудно продать!

– Кот не продукт, и он не продается!

Мальчик хохочет. У него симпатичная, смышленная физиономия, он открыт и доброжелателен.

– Я про ваш номер. Мне-то нравится, потому что я знаю, как котов трудно дрессировать – пытался бабушкиного Мишку. А вот публике... Понимаете, ваш продукт... Ну, проект....

Мужчина сквозь очки смотрит на мальчика, механически перекидывая кота с ладони на ладонь, потом отворачивается и ищет взглядом какого-нибудь зрителя.

– Перестань повторять эти дурацкие слова! Где только научился?

– Да все так говорят. А вас все-таки в автобус пустили?

При этих словах мужчина берет кота под мышку и решительно делает шаг в сторону.

– Ну, я видел. Случайно. Я от бабушки возвращался.

– Слушай, что ты пристал? Иди ты... Ну, к маме, к бабушке. Куда хочешь.

Мальчик смотрит удивленно, он не понимает, почему этот интересный человек сердится.

– Подождите.. Ну, я же ничего такого... А вы здесь живете или там, где тогда? Ой.

– Ну, пацан, достал! Просто репей какой-то. Да нигде я не живу. Так, гощу там у одной. Ну, тебе это рано

– Я современный человек.

Мальчик так уморительно пожимает плечами, что мужчин искренне смеется.

Отсмеявшись, протерев очки, он заталкивает кота в сумку.

– Все, Мурзик, покидаем эту площадку. Хватит, выступили для одного зрителя и довольно. Ну, гуд бай, пацан. Слишком ты умный, как я посмотрю.

Мужчина медленно идет против движения въезжающих на стоянку автобусов, мальчик догоняет его.

– Вот.

На его ладони несколько монет.

Мужчина смотрит на деньги, мальчика, качает головой.

– У ребенка не возьму!

– Это мои – мне бабушка подарила, а я не потратил. Хотел копить на наушники...

– Ну вот и копи.

Мальчик удивлен, расстроен, он ведь от души.

– Что ж вы злой такой?

А мужчина удивлен еще больше

– Я к тебе пристал, что ли? Напал на тебя? Наорал в конце концов? Что ты один в автобусах ездешь? По улицам шляешься? Родители где? Отец-то есть, который если что, выпороть может?

Мальчик опять залиvisto хохочет

– Вот вы странный. Да все есть. А бабушек целых четыре.

Мужчина опять втягивается в разговор, даже отходит в сторону, чтобы не мешать прохожим. Теперь они беседуют, как два приятеля.

– Надо же, у кого ни одной, а у тебя...

– А что вы удивляетесь – у каждой бабушки по родной сестре.

– И все тебя, конечно, любят?

Мужчина вроде и ехидничает, но ему и вправду уже интересен этот мальчик.

– Конечно. И я их. А одному, кстати, в нашем городе ходить можно. А от бабушки на автобусе недалеко.

Мужчина топчется на месте, не зная, как поступить.

– Слушай, пацан... Тебя, кстати, как зовут?

– Славик.

— Ну вот, Славик... Ты это... Ну, раз хочешь, дай мне эти деньги. Я вот... И Мурзик тоже... Если ты хочешь, ну, как зритель...

Славик серьезно смотрит на мужчину.

— Конечно, как зритель. А вас как зовут ?

— Клавдий. Вот такое гордое имя дали. И что вышло? Ладно, беги, Славик, беги. Будь здоров. Спасибо тебе.

Славик вприпрыжку бежит домой.

Клавдий заходит в здание вокзала, покупает булку, кофе. Пьет кофе, сливками угощает кота. На все это с жалостью смотрит продавщица.

И вот опять автостанция. Сыплет снежок. Серо. Славик с гитарой в чехле выходит из автобуса. Он в теплой куртке, шапке с помпоном.

А Клавдий в это время в здании автовокзала пьет кофе, по столику ходит кот, гоняя лапой кусочек колбасы.

Клавдий беседует с продавщицей, разговор явно шуточный, они вполне довольны друг другом. Клавдий все в той же куртке, но на шее шарф, элегантно повязанный.

Славик обедает с родителями и одной из бабушек, стильно подстриженной дамой.

Славик с одноклассниками в кафе.

Славик в парке гуляет с собакой.

А Клавдий в компании немолодого человека цыганского типа едет на старой машине. Заснеженная земля. Елочки в инее. И вот указатель «Тукумс». На одной из остановок машина притормаживает, Клавдий выходит, озирается, заглядывает в сумку. К нему приближается какая-то нелепо закутанная фигура. Окажется, это довольно молодая женщина. Поверх пальто она накинула синий плед, такие обычно дают в кафе.

Они медленно удаляются от остановки, поднимаются вверх по ступеням, в сером зыбком свете конца ноября видны их спины.

Декабрь. Солнечно. В доме Славика ставят елку. Мальчик с мамой и двумя бабушками достают игрушки, развешивают. Бабушки, разворачивая хрупкие фигурки и шары, вспоминают.

— Эту подарил тетка Анна... А этот шар единственный из набора...

На ковре уютно дремлет собака.

А Клавдий вновь на трассе. В солнечный день очки на загорелом лице выглядят уместно, даже эффектно. Он ловит машину в сторону Риги, его подхватывает вполне приличного вида автомобиль.

И вот уже январь, но бесснежно, только что прошел дождь. Елка на площади Вентспилса горит. Ярко-зеленая трава, блестит бульжник, в лужах отражается бледно-серое небо, едва-едва подсвеченное солнцем.

И вот на площади буквально нос к носу сталкиваются Славик и Клавдий.

– Ну, с Новым годом наступившим, пацан, как тебя, забыл...

– Славик. А я помню – вы Клавдий. Гордое имя.

– Имя гордое – жизнь трудная. Ну, ты как вообще? Как бабушки?

– Все хорошо, спасибо. И вас с Новым годом, пусть будет лучше прошлого.

– Желаешь так... по-стариковски. Куда направляешься? Опять в поездку?

– Нет. В Замок. К бабушке Галине. Хотите со мной?

– В замок... Хорошо, хоть не во дворец. Туда кота, скорее, пустили бы. В сапогах.

– Да там музей, бабушка там работает.

– Музей... Ходил когда-то. Точнее, возили нас на экскурсию в автобусе. Там, у меня на родине.

– В России?

– Не. Там, где нынче война.

– Понятно. Так вы беженец? Да?

– Ну, можно и так сказать. Ну, веди в свой замок.

Перед входом их встречает нарисованный дымом силуэт. Это Призрак, такой оптический фокус, придуманный для посетителей музея.

Клавдий радуется, как ребенок: тянет к нему руки, отбегает, когда Призрак к нему склоняется.

Славик улыбается, терпеливо ждет.

Наконец они попадают в здание. Бабушка, моложавая женщина в длинном платье, ведет экскурсию.

– Ба, это друг нашего Шамиля Георгиевича из России, можно я ему все покажу?

– Ну, покажи, расскажи. Если какие вопросы, я подойду. Пирог потом не забудь у меня забрать.

Славик водит Клавдия по Замку, видно, что ему нравится роль экскурсовода. Клавдий явно не в своей тарелке: то снимает бейсболку, то надевает, у него довольно густые темные с проседью волосы. В сумке ворочается Мурзик – ему надоело заточение. Клавдий то открывает молнию, то закрывает, а Славик ничего не замечает.

– А в башне тюрьма была. Еще при царе, представляете, как давно. И потом при...

– Слушай, про тюрьму все понятно. А это что за стрелы?

На стене появляются белые стрелки, бегут строчки. 13 век, 14, 16...

Славик читает по-английски, переводит, объясняет, что стрелки указывают на разные фрагменты кладки.

Клавдий слушает вполуха, но то появляющиеся, то исчезающие строчки его завораживают. Он так же, как с Призраком, начинает с ними играть: ловить рукой стрелки, закрывать текст. Славика это надоедает.

– Достаточно информации. Какие у вас планы?

Клавдий в тон ему серьезно отвечает :

– А планы у меня, парень, такие: менять дислокацию. Тут появилась возможность в Белоруссию двинуть. Нужно помочь кое-что перевести одной ...

Славик, лукаво улыбнувшись, продолжает...

– ...хорошей женщине.

Клавдий подхватывает:

– Точно – одной хорошей женщине. Это завтра или на днях, а вот сегодня нам с пассажиром надо как-то продержаться.

Славик с сочувствием смотрит на Клавдия, на сумку.

– Ему там надоело, наверное?

– И ему там, и мне здесь.

Клавдий достает кота, качает, как ребенка.

Славик вдруг подпрыгивает

– Yes! Идея! Мы сейчас пойдем ко мне в музыкалку, а там...

Славик быстро направляется к выходу, Клавдий с котом на руках за ним.

За колоннами мелькает бабушка

– Славик, а пирог...

Славик и Клавдий идут по мощеной бульжником улице, в одном из одноэтажных домиков за стеклом сидят кошки. Они смотрят на мир спокойно, невозмутимо. Мурзик начинает рваться из рук Клавдия

– Ну, куда ты, артист, куда? Мне ж без тебя вообще...

Славик понимающе кивает и помогает затолкать разбушевавшегося кота в сумку.

В гитарный класс они входят в тот момент, когда три мальчика и одна девочка репетируют, а Шамиль Георгиевич разговаривает по телефону, стоя у окна спиной к ним.

– Ну, не сдала она, не сдала! Не дается ей. Да, увольняют. Не знаю...

Славик, переглядываясь с ребятами, указывает на Клавдия, делая знаки, что это «супер».

Шамиль поворачивается и удивленно поднимает брови

– Вячеслав, вроде, не твой день?

– Да я и без гитары. Вот зашел показать человеку нашу школу. Это к бабушке – из России.

Шамиль Георгиевич пожимает плечами, обводит глазами класс

– А что тут смотреть-то? Вот стены, инструменты, дети. Что, у вас не так же?

Славик быстро перехватывает инициативу.

– Ну, это заодно. Я город показывал вообще-то. А знаете, кто Клавдий? Цирковой артист! Сам только десять минут назад узнал. Номер с котом. Вот бы посмотреть...

Девочка подходит ближе

– Вы правда артист?

Клавдий кивает.

Славик возбужденно кричит

– Кота я видел! Рыжий такой.

Все дети бросают занятия и окружают Клавдия.

Шамиль хочет что-то сказать, но машет рукой и отходит опять к окну – он расстроен и ему не до фокусов.

Клавдий надевает перчатки, достает кота – начинается представление.

Пять минут в классе стоит тишина, Шамиль, который безуспешно пытается куда-то дозвониться, поворачивается.

– Это... Это что ?

– Это номер! Уникальный! Вы бы смогли своего кота так научить? У вас ведь есть кот?

– Есть, Слава, есть кот... Но почему здесь? Почему у нас?

– А уже все.

Ребята восторженно аплодируют, Клавдий кланяется, прячет Мурзика в сумку.

А Славик тем временем что-то шепчет им на ухо.

И вот на уголке стола появляется горка монет.

Славик поворачивается к явно желающему что-то сказать Шамилю

– Ведь любой труд должен быть оплачен, правда? Тем более, труд кота.

Шамиль смеется, грозит Славiku пальцем, кладет какую-то мелочь.

Последним достает деньги Славик и делает знак Клавдию.

– Спасибо, друзья! Артист мини-цирка «Артемон» Мурзий 2-ой искренне благодарит вас за теплый прием.

Славик и Клавдий выходят из школы. Уже стемнело, зажглись огни. Они идут молча. Возле какой-то ярко освещенной витрины Славик делает селфи.

Они идут вдоль Венты, на набережной пусто. На темной воде раскачивается небольшое судно, толстые канаты, накинутые петлей на тяжелую тумбу, держат его на приколе.

Клавдий задумчиво смотрит на канаты, измеряет глазами расстояние до палубы.

– Славик... А давай-ка... Только не бойся.

Он в два шага пробегает по канатам со Славиком на руках и перемахивает через низкие перила.

– Ух, еще есть силы. Еще что-то можем.

– Здорово! Мы как пираты.

Они молча сидят, смотрят на воду, на огоньки вдали.

Клавдий гладит притихшего кота.

И опять они стоят на площади возле ярко горящей елки.

– Ну, спасибо, тебе, пацан. Спасибо, Славка. И от меня, и от друга моего. Ты – человек, а это звучит гордо.

– Как ваше имя.

Славик грустно улыбается.

Вечером за ужином Славик сидит задумчивый.

– Ты что же пирог не забрал? Бабушка сказала, был какой-то заполошный.

– Да так получилось, мам.

– Ты не заболеваешь? Вялый какой-то.

– Не, мам, нормально все. Пап, а беженцы и бомжи это одно и то же ?

– Ну, не совсем. Беженец все же от слова «беда». Вот пришла беда, и бежит человек, спасается от нее. Наводнение, ураган..

– Война...

– Ну, да – война тоже. И вот этот человек, попавший в беду, может оказаться и бомжом, то есть без места для жизни. А может и устроиться где-то. Лагеря бывают для беженцев, ну, ты же видел по телевизору...

– Видел. Понятно, пап, спасибо.

Клавдий пьет кофе на автостанции, кот лакает молоко из крышки.

За прилавком парень, непрерывно болтающий по телефону.

Клавдий без очков, без бейсболки, вид у него усталый, теперь еще заметнее, что он не молод.

Славик лежит в постели и то включает, то выключает телефон: перед ним возникает картинка, на которой вместе Клавдий, Славик и кот.

И вот Славик опять выходит из автобуса в Вентспилсе. Уже февраль, яркое солнце, чувствуется приближение весны.

Мужчины в синих комбинезонах вносят в здание автостанции пианино, желтое, разрисованное цветами и птицами.

Славик входит за ними следом.

— А это куда? А это зачем?

— Детский уголок будет.

Они ставят инструмент и цветную табуреточку неподалеку от доски и полка с игрушками.

Славик, дождавшись, пока они уйдут, открывает крышку и начинает наигрывать какую-то грустную красивую мелодию.

Он играет и ему представляется Клавдий в красивом костюме, смеющиеся аплодирующие дети.

Славик тихо закрывает крышку, раскланивается и, не замечая удивленного взгляда продавщицы и немногих пассажиров, выходит под слепящее глаза солнце.

ДОГОВОР О НАМЕРЕНИЯХ

(очень короткая пьеса)

Действующие лица:

Кремсодов – литератор, психолог, очень современный мужчина, примерно 35 лет.

Севрюжкин – следователь, примерно 37 лет, тоже очень современный мужчина.

Кремсодов. Моя фамилия Кремсодов! О под ударением! Даже самое тугое ухо не услышит там У.

Севрюжкин (*лениво*). Я думал, может, ошибка. Описались, заполняя.

Кремсодов (*запальчиво*). Я вас тоже могу перевернуть, между прочим. Гипотетически. Если местами вдруг нас судьба поменяет.

Севрюжкин (*равнодушно*). Да? Даже интересно...

Кремсодов (*иронично*). Станете вы Г.Д. Севрёшкиным. Удалившись, так сказать, от рыбы, приблизитесь к сути. Вашей сути.

Севрюжкин (*строго*). Пустословите, Содоедов! Давайте к делу.

Кремсодов (*начиная спокойно, все больше распаляется*). Хотя и издевательски переиначили, но давайте. Что вы мне вменяете? За что хотите с меня слупить, из меня вытянуть?

Севрюжкин (*запальчиво*). Я, пожалуй, присовокуплю – оскорбление лица при исполнении. Что делаете удивленное лицо? Уличить во вранье желали? А какое тут вранье? Констатация! Сидели на крыше с подзорной трубой? Сидели! Разглядывали чужую личную жизнь? Разглядывали! Не отпирайтесь.

Кремсодов (*спокойно*). Да я и не думаю. Только интересно, кто это меня-то разглядел? А еще более интересно, зачем сообщил по инстанции.

Севрюжкин (*нервно*). Вы что издеваетесь? Судо... Блям... Крымо... Блюмс... Кремне...

Кремсодов (*раздраженно*). Хватит! Вы, хоть и при исполнении, а ведете себя недостойно! Извольте не перевирать! И вообще, называйте меня по имени-отчеству: Егор Юрьевич.

Севрюжкин (*со смешком, потом серьезно*). Масло масляное... Ладно, шутки в сторону. Это я, простите, своего беса потешил: люблю, знаете ли, поиграть словами. Разряжает. А то сидишь тут, разбираешь протоколы эти. А дела –то все мелкие, дрянные. Так зачем вы на людей пялились с использованием оптики?

Кремсодов (*спокойно*). Понимаю, вы мне не обязаны докладывать, кто мною, так сказать, любовался. И опубликовал впечатления. А я вам признаюсь. Что уж. Трактат я пишу о крышетеерапии. А это вроде, пока не запрещено?

Севрюжкин (*холодно*). Что именно? Подглядывание?

Кремсодов (*запальчиво*). Это давайте оставим – скользкое место. За мной ведь тоже... Кто-то... Зачем-то... А вот я, и это доказано, полезное для людей делаю!

Севрюжкин (*ковыряя в зубах*). И что же?

Кремсодов (*вдохновенно*). Ну, вы знаете, конечно, об арттерапии, иппотерапии? Конечно, знаете!

Севрюжкин (*настороженно*). Только о терапии вообще. Ну и о психо, в частности.

Кремсодов (*вдохновенно*). Ну вот, к психо это и относится! Я в своём трактате доказываю, что пребывание на крыше, рассматривание красивых крыш, черепичных, например, хорошо действует на нервную систему. (*повышая голос, нервно*) Материал я собирал! Что тут непонятного? И платить за противоправное действие я не намерен!

Севрюжкин (*холодно*). Ладно, Юрий Егорьевич, пошутили и будет!

Кремсодов (*возмущенно*). Я Егор Юрьевич...

Севрюжкин (*повышая голос*). Хватит, я сказал, меня поправлять! Платить будете! Или сорок часов общественных работ! Или пятнадцать суток! (*меняя тон*) Но предпочтительнее ведь штраф, согласитесь. Мы выпишем, вы отдадите. И к стороне.

Кремсодов (*четко артикулируя*). Ни за что! Денег не дам! Именно потому, что вы этого так жаждете! Западни всюду ставите. Отлавливаете. Только для того, чтобы мзду получить, вот такие пьесы абсурда ставите! Не стану платить! Пойду ямы рыть, плитку класть, заборы ставить! Дело вредное, конечно. Тоже каяться на Страшном суде придется (*с иронией*), но все же это все временное, материальное, в тлен когда-нибудь превратится...

Севрюжкин (*ехидно*). О, наговорили себе на срок! Это уже оскорбление не меня, а сам знаешь, кого... (*с угрозой*) Не дашь по-хорошему, сядешь по-плохому! Обещаю.

Кремсодов (*задумчиво*). Понимаю... Загнали вы меня, господин следователь, загнали и на мушке держите.

Севрюжкин (*почти дружески*). Слушай, ну если своих нет, так займи. Неужели друзья или там бабы не скинутся, чтоб какие-то тридцать тысяч за тебя внести? Или там коллеги. Если ты и вправду что-то полезное для психов делаешь? А?

Кремсодов (*с тоской*). Да не в этом дело... Наскреб бы. Да и помогли бы... Но за что?

Севрюжкин (*поучая*). А ты не думай, не терзай себя, Егор Юрьевич... Просто отдай. Ну, так карта легла. Что уж... Кесмет. Судьба.

Кремсодов (*со смехом*). Обалдеть! Нет, ну кому рассказать... Судьба? О чем мы вообще говорим! (*с любопытством*) А что, очень нужно? И именно столько?

Севрюжкин (*доверительно*). Да мне ж только перепадет. А мне эта половина ну позарез! Позарез. (*почти с отчаянием*) отдыхать отправить надо

- Кремсодов** *(с некоторым сочувствием)*. Долг, что ли, отдавать? Или кредит- ипотеку выплачивать?
- Севрюжкин** *(вздыхая)*. Ну почти... Понмаешь... Ну как бы это сказать... Мне жену отправить надо... На путевку чуть- чуть не хватает.
- Кремсодов** *(сначала иронично, потом запальчиво)*. Дело благородное, конечно. Значит, Григорий Данилович, вы предлагаете мне у своей взять, вашей отдать?
- Севрюжкин** *(с отчаянием)*. Да у тебя же ее нет! Написано же «холост»! Не понимаешь ты...
- Кремсодов** *(с иронией)*. Да куда уж мне... Такая забота... Но уж как – nibудь сам. Вагоны, что ли, разгрузи.
- Севрюжкин** *(сначала со злым шепотом, с угрозой, потом с отчаяньем)*. Сядешь, гад! Сядешь! Я-то с другого сдеру! Но время... Время, гад, дорого! Она уже через три дня приезжает, а у меня конь не валялся – жена на кухне торчит!
- Кремсодов** *(с любопытством)*. Да о чем вы? Прямо отчаянье на лице.
- Севрюжкин** *(приближая к Кремсодову лицо)*. Да Ирка! Ирка, понимаешь?
- Кремсодов** *(отстраняясь, с иронией)*. Да, кажется... Значит, одну отправить, другую принять... Но денег не хватает... Да-а.. Где взять? На работе, конечно. Благо, специальность подходящая.
- Севрюжкин** *(устало)*. Не издевайся. Лучше помоги материально. У меня ж ничего личного, я же сказал. Мне по фигу, что ты там рассматривал, хоть инопланетян. Но вовремя подвернулась информация, я не могу не воспользоваться. Не могу! *(надрывно)* Мне деньги нужны!
- Кремсодов** *(хохоча)*. Прямо пьеса Островского... Рехнуть-ся можно! *(серьезно)* Ладно. Я тебе дам. В долг. Напишешь мне расписку. Дам сейчас. По случаю, у меня столько при себе и есть – купить кое-что хотел. Но ладно, потерпит. И отдашь не деньга-

ми! Отработаешь. Согласен? Или станешь тюрьмой пугать? Вызовешь подручных и под пытками отнимешь? А тут, кстати, прокол может выйти. Побить побьёте, а денег-то и нет. И не было – соврал я.

Севрюжкин (с отчаянием). Бес! Иезуит! Время – деньги! Давай, диктуй, черт с тобой, рискую.

Кремсодов (с иронией). Ну, гусар ! Эта Ирка так хороша? Аж завидно. Такая любовь...

Севрюжкин (с горечью). Любовь... Да на крючке я у нее. А жену люблю. Как родную. Да вот уж так...

Кремсодов (сочувствуя). Понятно... Кесмет. Судьба. (жестко) Отработаешь мне на общественно полезных. Значит, ремонтник мне сделаешь. Умеешь ведь?

Севрюжкин (заискиваяще). Через две недели – жена вернется, мы в четыре руки. Мы, знаешь, слаженно.

Кремсодов (с некоторым презрением). Откупишься от Ирки? Что-то больно дешево...

Севрюжкин (подмигивая). Да тут... В общем, в некотором смысле, да. Передам её в хорошие руки.

Кремсодов (лениво). Я ж говорю, Островский. Ладно, давай заканчивать. Подпиши расписку. Прими. Оформи. И мне пора.

Севрюжкин (просительно). Пойдём в соседний кабинет. Я при тебе в условленное место пятнашку кину. Чтоб видел, что всё по чесноку.

Кремсодов (отмахиваясь). Да зачем мне лишнее знать?

Севрюжкин (твёрдо). Мне надо. А то все говорят – коррупция, коррупция. Менты гады! А какие гады, когда жизнь такая...

Кремсодов (вскипая). Да на хрен твою философию! Дай, да ещё бред послушай!

Севрюжкин (сначала с угрозой, потом, испугавшись, тихим голосом). Опять оскорбления? Я тебя... Чёрт, не могу! Повязан. Всё. Кончили. Ты дал- я взял. Через две недели встретимся во дворике. Или деньгами отдам, или как договорились. Слово офицера.

(устало) А теперь катись. Сиди себе на крыше, не побеспокоят.

Кремсодов (с иронией). Слово офицера?

Севрюжкин (серьёзно). Слово!

Кремсодов (с сочувствием). Ну и подлечиться бы тебе не мешало. Одной словотерапией не обойдешься. Я рецептик тебе тогда захвачу. Хороший препаратик у знакомой выпишу, мягкий.

Севрюжкин (вяло). Ладно, бывай. Не откажусь.

Рассказы

АКТРИСА

(из цикла «Монологи-диалоги»)

Про тот Новый год говорили – аномальные морозы. Я говорил – восхитительные! Ко мне в квартиру набилось много народу, кроме друзей–соседей, просто соседи и среди них она. Почему ко мне? Да у всех трубы полопались, газ жгли на кухнях, а я батареи нарастил, у меня тепло было. А в нее... (я не сказал, что это актриса известная?), а в нее я был давно уже влюблен после одного фильма, но вот не знал, не чувствовал, что она рядом. Оказывается, снимала квартиру двумя этажами выше. А тут явилась, среди прочих дам в красивых платьях. У других, как говорится, в шубах сидели, а у меня – в вечерних нарядах. Я с ней танцевал, комплименты говорил, шампанским чокался.

Ее нет уже. Давно нет... Я уже здесь жил, она на гастроли приезжала. Пошел в театр, после спектакля с букетом за кулисы. Не узнала? Почему же, узнала. Но на шею не кинулась. Букет приняла, улыбнулась – спасибо, Шура. Меня в Москве Шурой называли друзья. Брат мой, он все всегда про всех знает, сказал, что больна уже она была. Нет, думаю, не поэтому. Ну, зачем ей такой слабенький разряд? Я имею в виду свое чувство. Да, конечно, слабенький! Я уж знаю...

А у меня на память осталось несколько бусин. У нее тогда браслет был такой оригинальный из крупных граненых бусин. Подметал и нашел. Отдать? Да нет, не решился, было бы, вроде, с намеком, давайте, мол, починю. Да она и съехала вскоре. К мужу. Куда-то в центр. А бусины я приспособил. На абажурчик. Был у меня такой, самодельный. Оригинальный? Ну, да, оригинальный. А что? Слово как слово, многое объясняет. Нет, не привез. А бусины – да. Их жена в своем коллаже использовала. Жена-то? Художница. Я к чему историю – то и веду... Дело когда было? В Новый год, правильно. А на следующий оказался я в командировке в жарких краях. Собрались мы, те, что из России, в гостиничном ресторане. Ее, ту, что давно жена моя, не заметил, не выделил. Ну, потанцевал, ну, в щечку поцеловал.

А она, как говорится, запала. А потом уже здесь в одном доме на Рош Шана подошла ко мне. Я сначала не узнал. А у нее такой сила энергия была, что пошел за ней, как привязанный. Так и живу – на ее волне, на ее топливе. У меня – то не все в порядке в смысле души. Неправильно работает механизм. Ну, не знаю, как еще сказать... В общем, я как-то все слабо чувствую. Но я компенсирую – разум, совесть у меня есть. Я гостеприимный, всем помогаю. Никто про меня не скажет, что я неблагодарный или там, злой. Но только я все думаю, вот если бы во мне тогда вспыхнуло во всю силу к актрисе, спас бы я ее? Именно я. Потому что, если бы уж я зажегся, льды бы растопил! Я бы... Но, что не дано, то не дано. Самомнение? Ну, может, и самомнение. Я же просто так рассказал. Вот, пока болтал – капельница – то и кончилась. И вам веселее, и мне полезнее – в себя заглянул, уголки проветрил. Ну, с наступающим вас, всех благ в новом году. Жене передам поклон, передам. Она у меня умница – не отказывается со мной выпить рюмочку за помин актрисы той, любви моей несбывшейся.

БЕДНАЯ РОДСТВЕННИЦА

Вот мы обе и дома. Нелегко дались эти две недели. Полюем цветочки, поедим и почувствуем себя в своей тарелке.

После смерти родителей – ушли один за другим – немного придя в себя, взяла в приюте собаку. Пуделиху. Говорят, немодная, нынче, порода. Назвала Муфтой.

Родители почти до конца выглядели молодожаво, она долгое время – молодо. Жили втроем, не считая дней.

Теперь она выглядит молодожаво, говорят.

Через год списалась с единственной родственницей – троюродной Юлькой. Еще через год, подкопив денег, отправилась в гости в Америку.

Муфте же пришлось пожить в собачьей гостинице.

Встретили хорошо, поселили в отдельной комнате со своей ванной. Миша, муж, зовет Юльку Люся. Те же два слога, а сколько ласки! Он неразговорчив : да, Люся, конечно, Люся, вот только это и услышишь.

На week – end отправили в Филадельфию, понятно, одним хочется побыть. Юлька подвезла до автобуса. Когда смотрела в окно ей вслед, любовалась – идет, танцует, прямо, африканка, красиво.

Не так-то легко жить в чужом доме, в чужой семье. Быть случайной третьей.

В Филадельфии закрепила полученный опыт : отправилась в бар. Юлька в Нью-Йорке водила, угощала коктейлями. Заказала знакомый – с текилой. Тянула через соломинку, пыталась поболтать с барменом, как в кино, но он только улыбался в ответ, хотя вроде бы она понятно все говорила. Темнокожая невысокая девушка вынесла поднос с горящими свечками в алых стаканчиках. На каждом столике теперь был цветной огонек.

– А можно и мне?

Улыбнулась, поставила. Но такие же свечи появились перед всеми за стойкой. Ну, вот, попросила, хотя и так было положено! Вечная бедная родственница.

Сестра встретила неожиданно горячо:

– Ты просто очаровала моего медведя! И улыбаешься ты, как моя мама, он любил ее, а волосы поправляешь, как я, вот уж не замечала, а уж, как мы вспоминать начинаем – тетя Мила, да тетя Майя, на даче то, на даче се, он вообще балдеет. У него-то, бедолаги, никого. Он из Ташкента, эмиграция девяностых. Не знала? Шурпу в твою честь решил сварить, специально за бараниной ездил.

К столу вышла в тот день уверенной походкой, впервые после смерти родителей, почувствовав себя членом семьи. Радостно откликнулась на Мишино: ну, жди нас к себе! Подняла бокал – в следующем году в Москве! От всего сердца расцеловала обоих.

И теперь, поглаживая кудрявый собачий бок, придирчиво оглядела комнату. Обои, конечно, переклеим, а вот кондиционер ставить не будем, это уж лишнее.

БЛИЗНЕЦЫ

Ту девчонку заметил только я – дед шел, глядя под ноги. Я тащился за ним, уставившись в его синий рюкзак. Прокричала птица, я поднял глаза и сразу заметил ее – она сидела с ногами на табуретке и увлеченно читала. Тень чахлого деревца почти не давала тени, но ей было все равно. На нас она не обратила внимания.

Дед не заметил, я поглазел и забыл.

И вот на заправке в Эстонии та же поза, то же самозабвенное чтение. Заправки нынче вроде почтовых станций времен Пушкина. Я зашел купить сигарет и увидел ее : синие волосы, татуировка, растрепанный томик в руке. Кругом шум : пьют пиво, едят сосиски, разговаривают по телефону.

Тридцать лет назад мы поехали с дедом в Приазовье за его братом-близнецом. Мне было пятнадцать, ему семьдесят.

Помню всю мучительную долготу нашего прохода по пыльному городку. Остановились у колонки, дед нажал на рычаг – ничего. Еще раз – выдавилась тонкая струйка ржавой воды.

– Бесполезно.

– А наш приезд, какая в нем польза ? Разве сможешь ты изменить судьбу человека, если даже он, как две капли, похож на тебя. Кстати, это правда?

– Увидишь. Читаю вчера: « Говорят, ты дружен с судьбой», удивляюсь. Да нет – там « с судьей». О чем думаю, то и вижу.

Дошли до домика, постучали. Выскочила рыжая, в веснушках, моих лет, уставилась на деда, головой замотала.

– Что? Что ?

– Он говорил, я не поверила – одно лицо. Только его нет, я пришла, а его нет.

– Сбежал.

– От вас ? А почему?

В дом входить не стали, выпили по стакану холодного компота в саду.

До вокзала добрались на попутке.

– Почему вы не виделись столько лет ? Почему именно сейчас ты решил ему помочь?

– Не бомбандируй. На каждый твой вопрос тысяча ответов. Дам один – потому.

– Из-за бабушки ?

– Тогда они были вовсе не бабушками.

– Понятно – из-за жен. Взяли вас за руки и потащили в разные стороны, а вы позволили.

– Ну, рассудил. Впрочем, ты прав.

– Ну и где его жена ? Может, он с ней по-прежнему, вот ведь внучка в курсе дела.

– Ты тоже в курсе дела. А где моя жена ?

– Так чего ты всполошился, зачем решил его выдернуть из привычной жизни ?

– Да один он, один, знаю точно. Не смог я слова найти, чтобы убедить, не смог.

Брат деда умер в то же лето, телеграмму дала рыжая Олька. Она стала к нам приезжать, подолгу гостить у деда, это его радовало, но все равно иногда он вспоминал нашу грустную поездку и винил себя, что не сумел объяснить, уговорить, заставить.

А я никогда не мог понять деда. Да и о поездке этой в общем-то не вспоминал. А о чем? Жарко было, скучно, пыльно.

Но, заметив эту девчонку на заправке, мгновенно увидел деда, идущего к брату, сосредоточенного, решившегося исправить старые ошибки. И впервые испытал боль и жалость к ним обоим, к близнецам, похожим как две капли воды, так и не обретшим друг друга.

– Прямо дорожную новеллу сочинил, – сказал я жене, сказав вкратце по телефону всю эту простую, в сущности, житейскую историю.

– А где теперь эта Олька, я ведь ее ни разу не встречала ?

– Давно исчезла с горизонта, кажется, вышла замуж там у себя... Да мы-то с ней совсем не похожи. Абсолютно.

– Но жизнь-то вас однажды столкнула в острый момент, в момент выбора.

– Ты, кажется, придумала финал моей новеллы. Пришила такой изящный хвостик... Я уже скоро приеду, не скучным оказался обратный путь. Неожиданно.

– Жду. Посмотрим старые фотографии...

– И не надейся – я не стану разыскивать Ольку !

ХИМЕРЫ

Тринадцатого января под Старый Новый год на даче у отошедшего от дел журналиста Лапина собралась небольшая компания. Проработавший много лет в отделе криминальной хроники, Лапин был замечательным рассказчиком, его сюжетами не раз уже воспользовались начинающие авторы детективных романов. А у него писательских амбиций не было – делился щедро.

Характер у Лапина был добродушный, психика крепкая, ум гибкий. И был он, что называется, везунчик – что ни начнет, все хорошо выходит. Жена ему под стать. И дочка получилась точная копия. Они сейчас в теплых краях, а Лапин не любит – ему снег чистить на даче охота да с фотоаппаратом по лесу лазить – заядлый фотоохотник.

Покуривая трубку, начал свой рассказ Лапин.

Дело было тридцать первого декабря год назад. В семь часов в отделении полиции Центрального округа Москвы раздался телефонный звонок.

– У меня только что, ну, вот прямо сейчас украли бриллиантовое кольцо.

– Да что вы говорите, девушка, вы провожать-то уже начали?

– Я серьезно, а вы не верите и шутите! Я как раз собираюсь в ресторан провожать с друзьями, бегаю по квартире – одно там, другое здесь, нервничаю, ну, вы понимаете, причесываюсь, крашусь, ну, вы понимаете...

– Ничего не понимаю! Факты давайте.

– Оно лежало на подоконнике...

– Очень удачное место. И?

– Исчезло!

– Проспитесь, девушка, или наоборот, выпейте. В общем, с наступающим!

Трубку бросили, а расстроенная и растерянная Ниночка Ли стала названивать друзьям.

– Ниночка Ли? Что это за имечко? – любопытствовал большой спорщик и неисправимый скептик врач-ветеринар Пальчиков.

– Да, именно так. Прехорошенькая избалованная дочка русского актера корейского происхождения и балерины-грузинки, коренной москвички. Мои старинные друзья.

Итак, Ниночка всем твердит одно и то же:

– Понимаете, ко мне никто, ну никто не мог войти!

– Нини, ну нельзя же из-за этого лишать нас своего общества, нацепи бижутерию и вперед, – твердили ей друзья и подруги.
– Найдется, всплывет, отыщется. Ну, ведь не сорока же, правда, утащила.

Ниночка слушала друзей, говорящих разное. Но все сходились в одном – заявление написать надо, а родителям говорить не надо.

А Ниночка сказала и правильно сделала, потому что в это время в гостях у них находилась семья Лапиных.

Лапин неторопливо выбил трубку, лукаво посмотрел на гостей и продолжил рассказ. Услышав о пропаже колье, Николай Вениаминович Лапин очень оживился

– Попробуем расследовать! Любительски, так сказать, любительски. Все равно до третьего-четвертого никто и не шелохнет. Может быть, проедемся на место преступления?

Жена Света и дочка Мила вскочили в готовности сопроводить новоявленного сыщика.

Но хозяин дома выразил сомнение :

– Стоит ли? Скорее всего, лежит в какой-нибудь шкатулке. Ниночка разнервничалась напрасно. Ну, кто, в самом деле, мог взять? Но если уж вы так хотите...Только на метро! На Тверскую на машине не проедем. Я бы плюнул...

– Сашенька...Хотя, ты конечно, прав... Каким образом?

Таня Ли быстро накинула шубку и встала рядом со Светой Лапиной, взяв ее под руку.

Александру Ли ничего не оставалось делать, как присоединиться к компании.

– Ни разу, наверное, не провожали так год? – веселился Лапин, подбадривая друзей. – Разгадаем, разгадаем загадочку. Очень интересно!

А на выходе из метро « Охотный ряд» сутолока: рамки, россгвардия, кого-то в театр не пропускают, кого-то в ресторан

на Камергерском. Наконец влились в толпу и потихоньку, глаза по сторонам, двинулись в сторону Ниночкиного дома.

– Я не сказал еще, что родители купили Нине чудную маленькую квартиру на последнем этаже одного из домов на Тверской?

– Ишь, как балуют ее, – проворчал недовольно Пальчиков.

Остальные гости, привыкшие к подобным репликам, не обратили на него внимания, ожидая продолжения.

– Смотрите, смотрите – канатоходец Тибул! – закричала вдруг Мила. – Да их двое!

Все подняли головы – по канатам, натянутым между домами, передвигались фигуры. Они то шли, раскинув руки, то повисали в воздухе.

Такого еще не было! Во, придумали! Акробаты... Верхолазы... Экстремалы....Толпа весело комментировала необычное шоу.

– Спасибо мэру за такую химеру, – сострил кто-то.

А другой весельчак добавил :

– Эх, им бы в компанию еще бы и гетеру, вот бы полюбовались..

– Шути, да знай меру, – откликнулся кто-то в рифму.

– Талантливый народ у нас – любит пошутить над шутниками...

– Рисковые ребята, – с уважением сказал Саша Ли.

Через десять минут вся компания оказалась в хорошенькой квартире –коробочке.

– Ой, папа, смотри, а канат ведь на крыше закреплен, почти над окном! – Мила то смотрела вверх, то, свесившись с подоконника, вниз.

– И правда. Только зачем ты что-то трогала, теперь твои пальчики будут. А кстати, может, окно было открыто?

– Нет. Это я. Извини.

Александр Ли пристально посмотрел на Лапина.

– Дорогой друг, Николай Вениаминович, а много ли преступлений вы вот так, любительски, расследовали?

– Первое! Никогда не доводилось – давно хотел.

В этот момент один из канатоходцев находился совсем недалеко от окна, Лапин внимательно посмотрел на него и закрыл окно.

На этом месте один из гостей прервал рассказ:

– Все понятно – стащил канатоходец!

– Стащил-то стащил, но как? И главное – зачем?

– Ну, Николай Вениаминович, не смешите – бриллианты ведь. Кстати, его судили? Чем кончилось?

– А вот подождите, в свой срок узнаете.

Не найдя в квартире кольцо и не обнаружив ничего подозрительного, компания распалась : Лапины отправились на дачу, а Ли – домой, переодеваться, им предстояло забрать Ниночку по дороге в клуб, где у Александра было запланировано выступление.

Третьего января Ниночка написала заявление в полицию, в отделение ее сопровождал отец.

– Вы уж как следует поищите!

– Поищем! У нас это дело хорошо поставлено.

Четвертого позвонил Лапин.

– Ну, как Нино? Как настроение? Нашлось украшение?

Александр Ли вздохнул:

– Да где ж оно найдется, если украдено? Причем, таинственным образом.

– Да, таинственным... Настоящий детектив. А вы, Саша, любите детективы?

– Конечно. Только, знаете ли, хорошо закрученные.

– Понимаю. Я именно к таким питаю слабость. А я ведь что звоню – есть повод собраться кое-что обмыть. Мы со Светланой вас обоих приглашаем.

– Понятно, – авторитетно заявил Пальчиков, – теперь наш Пуаро расскажет всем, как было на самом деле.

– Расскажет. Кража мелкая, но интересная.

– Ничего себе мелкая. На сумму-то с какими нулями...

И вот встретились вечером две пары, расселись, салфетки развернули, сделали заказ.

– Ну, Александр, признавайтесь, решили на Рождество под елочку дочке подарок положить? Колье брильянтовое. Александр бокал отставил, на Лапина посмотрел.

Татьяна захлопала в ладоши.

– Санечка, так ты решил новое подарить? Не сказал – думал, я буду против?

– Как вы догадались?

Света и Таня переглянулись.

– О чем, Санечка? Николай Вениаминович просто...

– Подождите, милые дамы, сейчас мы вдвоем расскажем вам современную рождественскую сказку. Я начну?

– Да, пожалуйста, Николай Вениаминович.

– Помните, мы все находимся в квартире Нины, дочь моя распахивает окно и видит канат? Я тогда посмотрел вверх-вниз, вправо-влево и подумал, что такой акробат запросто может утащить все, что плохо лежит. Мог-то мог, но как именно смог? Это был вопрос номер один. Но как вы знаете, я много лет о всяких кражах, шантажах и прочих милых вещах писал, и кое-какие связи у меня есть, впрочем, как и у Александра. Но об этом чуть позже. Мне предстояло выяснить, как вор, назовем его канатоходец, мог узнать, что бриллианты окажутся на нужном месте. Меня немного смущало, что окно было закрыто, но я быстро сообразил, что при хорошо разработанной стратегии, тактические вопросы легко решаются. В первую очередь я выяснил, кто и когда нанял этих верхолазов. Узнал имена, место основной работы и, это очень важно, сколько времени и в какие часы они репетировали. Согласитесь, то, что мы видели тридцать первого, экспромтом не сделаешь. Две недели, по ночам. Значит, две недели один из них наблюдал за окном Ниночки.

– Почему он за ней следил? Какой ужас! Саша, ведь...

– Таня, что вы так разволновались? Теперь-то. Ниночке же ничего не угрожает. И не угрожало.

– Но он украл!

– Да. Была причина. Я встретился с обоими. Один, циркач, что называется не при делах. А второй.. Тип интересный. Художественная натура – современный фотограф, промышленный альпинист. Ничего не боится! Вот его порекомендовало влиятельное лицо.

– Зачем влиятельному лицу организовывать кражу ожерелья? Как-то не верится...

– Действительно, Светик, как-то чудно... В общем, не буду вас томить, попросили этого парня прихватить вещицу. Если получится. А нет – то и суда нет. Заплатили хорошо.

– То есть как это «если получится»? Разве так задания всяким кил... Ой, что я говорю.. В общем, всем, кого нанимают?

– Да, Таня, мне тоже это показалось странным. Я заподозрил вранье. Только и вправду здесь был расчет на случай.

– И ведь получилось?

– Да, Светик, и только потому, что исполнитель получал дополнительную информацию.

– Он указал заказчика?

– Нет, только посредника. Это один его приятель, которому он не мог отказать.

– Значит, цепочка ведет к этому влиятельному лицу? Кто он? Зачем ему?

– Еще чуть-чуть терпения, дамы. А теперь я передаю микрофон Александру Ли.

– Саша, расскажите нам, пожалуйста, зачем вы наняли человека, чтобы украсть, точнее, взять на время украшение вашей дочери? Что стоит за этой мистификацией?

– Ну, хорошо, слушайте. Только давайте выпьем сначала за кураж, сюрпризы и секреты.

– Ну вот. Не кажется ли вам, что жизнь взрослого хорошо обеспеченного человека подчас очень скучна?

Дамы удивленно переглянулись. Лапин отрицательно покачал головой.

– Ну а мне иногда такие мысли приходят в голову. И вот наблюдаю я за жизнью любимой дочери– все у нее имеется, а огня в глазах нет, нет ничего такого, чтоб на вынь да положь...

– Санечка, так это же и хорошо. Так я думаю. Думала...

– Она же не из-за потери драгоценностей так расстроилась! Ее мучает загадка, кто, как, практически на глазах... И это ее дергает, волнует. Она будто проснулась – ходит прислушивается, присматривается, принимаивается.

– И тебе это нравится?

– А то. Чуть ближе стала, понятнее...Да, тут вмешался случай. В начале декабря в одной компании я услышал, что готовится такое уличное представление. У меня разыгралось воображение: окно, канат, лицо... Но от страшилок я сразу отказался – нужно было что-то другое...Для начала я решил найти и внедрить сво-

его человека. Помогли связи, об этом вам любезно поведал Николай Вениаминович. На мысль о колье меня навела сама дочь. Мы сделали ей подарок на именины, обновить она решила на Новый год. Но туалеты стала примерять заранее и почти каждый вечер обсуждала их с мамой по скайпу. Я заметил, да впрочем, всегда знал, что украшения у нее часто валяются, где попало. Ну и решил – получится, так получится, нет – не судьба... Как вы знаете, получилось. В Рождество колье должно было оказаться под елкой, с визиткой тайного поклонника. И еще намечен порученец с букетом. Я, видите ли, хотел развлечь дочь и развлекься сам. Но вмешался случай...

– Санечка, так романтично... Ты доведешь до конца? Так интересно, как в кино или книге. И Ниночка ведь не узнает, да?

– Если только наш детектив не выложит ей правду – матку.

– Саша, почему вы так о Коле?

– Спасибо, Светик. Я думаю, наш друг шутит. Но, да, случай вмешался... Тридцать первого мы оказались у вас экспромтом, случайно при нас позвонила Нина. И тут у меня, что называется, выиграло ретивое! Я ведь сколько лет брал интервью у следков, оперов, потерпевших... А тут выпал шанс попробовать... Само в руки далось, как и вам, Саша. Ведь могла Ниночка не оставить колье на окне в этот раз и все – момент упущен... А что касается скуки – понимаю, людей зараженных ею встречал, но сам не подвержен, нет, не подвержен.

– Да, хорошую историю рассказал, даже лучше прочих, потому как сам участвовал, – наперебой стали хвалить гости. – Только, признайся, настоящие имена ты нам не назвал, придумал такую экзотику.

– По крайней мере, Нина – точно не Нина, они ж ей на именины колье подарили в декабре, а Нина – в январе, у меня вот есть знакомая...

– Ну, еще один детектив нашелся – доктор Пальчиков. Наблюдательный ты наш...

– А зачем вам имена? Семейство известное...

– В прессе не было?

– Да ведь это дело семейное, тихое. Ложь во благо для узкого круга, совсем-совсем узкого...

МИЛЫЕ

— Да, она красива. Но не миловидна.

Женщины в одинаковых коротких шубках уже давно вышли из автобуса, а я все еще думаю о моей первой начальнице. Длинноногая, худая, с гладким высоким лбом, сумрачными красивого разреза глазами, она вызывала у меня бесконечное любопытство. Тогда, сидя в корректорской, вычитывая тексты в паре с уже опытной Любашей, я все время поглядывала на Н. И., изучала, запоминала. Мне нравилось, как она выражает несогласие – слегка вздергивает плечи, правой рукой откидывает прядь волос. Я смотрела на ее спину, длинную шею. Украшений она не носила, и я вынула из ушей сережки, сняла колечки. Дома я тренировалась – старалась также садиться на краешек стула, точным движением выхватывать карандаш из стаканчика. Я была очарована, покорена. Влюблена. Но, как выяснилось, такой видела Н. И. только я. Любаша, например, восхищалась полненькой светловолосой редакторшей, сидевшей в соседней комнате.

— Ну, посмотри, какой цвет лица, какая улыбка. Ангел, а не женщина!

Смотрела – видела кудряшки, полные руки, родинку на щеке. Ну и что?

— Зато у Н. И. глаза волшебные. И вообще, она вся таинственная.

— Ничего таинственного! Хорошей тушью накрась, подведи аккуратненько и у тебя такие же будут. Тем более, ты кареглазая.

Я показала Н. И. школьному другу.

— Волшебная? Не сказал бы. Черты вроде бы правильные. Но чего-то не хватает. Чего-то такого приятного.

Ну что ж, о вкусах не спорят. Я и не спорила. Постепенно чувство мое остыло, колечки вернулись на место. Я усиленно готовилась в универ, уже мысленно прощалась с поднадоевшей Любашей, однообразной работой. Но все же, когда я иногда взглядывала на Н. И., я не могла не любоваться ею. Сколько лет

прошло, сколько лиц промелькнуло – а вот толк в миловидности я поняла совсем недавно.

Стояла в метро на платформе – вдруг почти под ноги выкатилось что-то разноцветное. Оказалось – связанные в пучок цветные шарики, водруженные, как на колесики, на три туго надутых белых шара. Сиреневый, красный и маленький розовый выглядели комично и мило. Уже замигали напольные лампы, возвещая о приближении поезда, цветное чудо стояло спокойно, как человек, точно знающий, что сейчас перед ним откроются двери. Я смотрела с любопытством и восторгом – вот сейчас впрыгнет в вагон, и мы поедem. Но нет, его будто ветром сдуло: унесло в арку. Я кинулась за ним, но уж и след простыл. Пригрезилось что ли? Привиделось? Обескураженная, двинулась к платформе и столкнулась с женщиной.

– Вы видели? – воскликнули мы хором.

От этого лица я не могла отвести взгляд : удивленные большие глаза, простодушная улыбка. Милая. Какая милая!. Мы стояли рядом на платформе, вместе вошли в вагон. С нами ехали люди, ничего не знающие о смешном и странном происшествии, те же, кто, возможно, видел, уехали на предыдущем. Симпатичная, славная женщина улыбалась мне, я улыбалась ей, у нас была общая радость.

Я еду к свекрови, смотрю в окно, думаю о давнем прошлом, о недавнем и о том, что свекровь меня никогда не любила. И общее горе – смерть мужа моего – не сблизило. Я была ей не мила, не симпатична всегда. А подводила я свои карие глаза или нет, какое ей дело. И какое ей дело, что я много лет нравилась ее сыну. Но почему вдруг мне так захотелось, чтоб она увидела во мне не только резкость и четкость, но и слабость, жалостливость, привязчивость, что так понимал ее сын.

Вот возьму и расскажу ей про шарики, про милую попутчицу. Вдруг удивится, улыбнется. Как бы хорошо, ведь еще пока длится наше общее настоящее.

НА ОКРАИНЕ

Встретились мы в тот вечер, когда снесли павильоны у метро. Не купив сигарет в привычном месте, тащился домой усталый и раздраженный. Он сидел на пне в окружении кошек и тянул на одной ноте : «Ни что не вечно – вечно нечто! Нечто вечно...»

Сегодня прощаемся – сорок пять дней можно было продержаться его в дурдоме в отделении для небуйных, как в убежище.

После гибели родителей остался он на попечении тетки – она всем и распорядилась: одну квартиру продала, две купила, переселила, в институт устроила. А он, хрупкий осколок интеллигентной семьи, оказался ни к чему не годен: не мог рано вставать, экзаменов боялся до дрожи. Ушел. Часто сидел на лавочке возле старого дома, где жил с родителями. Тетка сердилась.

– Вы не думайте, она не злая, не жадная. Она даже в шахматы иногда со мной играет. Она же не виновата, что я скучаю по ним: по маме и папе...

Обо всем он рассказал в первый же вечер за чаем. Да, были бы живы родители, не дали бы пропасть этому слабому побегу, прикрыли бы от ветра.

Неожиданно устроился в «Евросеть» – ребята относились к нему хорошо – вежливый, покупателям нравится. Тетка не возражала. И все было хорошо некоторое время, пока на всех магазинчиках у метро не появилось объявление о сносе незаконных построек. И тут у него, спокойного, тихого, слабого, будто резьба сорвалась : объявление разорвал, побежал всех уговаривать не сдаваться.

– Мы люди маленькие, – говорили в «Аптеке», – прикажут – уйдем.

– Мы не местные, другую работу найдем, – объясняли в «Продуктах».

«Газеты» и « Цветы» твердили свое : «Нам систему не сломить!»

Ребята из «Евросети» вроде поддержали, обещали встать стеной, когда пойдут бульдозеры. Но пришел только он. Плакал,

размахивал руками, грозил. Когда примчалась тетка, вызванная случайно проходившей мимо соседкой, он валялся на земле и выл, а над ним стоял вызванный из метро молоденький полицейский. Показав «корочки», тетка быстро все уладила. Дома дала успокоительного, покормила и унеслась на работу, на всякий случай заперев на ключ. А он выбрался – спустился по трубе. Куда шел? На что надеялся? Нет ответа.

Здесь ему было хорошо, в смысле – спокойно. Тетка не приезжала, с шофером присылала еду и белье. Звонила. После разговора с теткой он всегда приходил на чай. Беседовали.

А сегодня прощаемся. Забирает, разумеется, тетка. Похожа на Матвиенко или другую, такого же типа: костюм, укладка, манера говорить.

Выписку небрежно сунула в сумку, я небрежно отодвинул ногой корзину с фруктами и коньяком. Уселась в низкое кресло, ой, рискованно – как встать будет в такой-то юбке? Ну, слушаю, начальница.

– Прогнозы?

– Благоприятные. Выведен в стойкую ремиссию.

– Рекомендации?

– Ровные отношения. Избегать окриков, многословных нотаций. Ну, тактильность, конечно.

– Это гладить, что ли? Я и кошку–то свою никогда...

Пытается выбраться из кресла, бедная, каблуками елозит.

А рука, у нее, кстати, мягкая. И вблизи она выглядит моложе и симпатичнее. Приказывают им, что ли, пиджаки такие напяливать?

А найденыш мой сидит в коридоре в новых летних брюках, в клетчатой рубашке поверх белой майки. Поедет в коттедж, в новую жизнь.

– Ну что ж, счастливого пути, Павлик.

– Доктор... Дядя Коля.

Руку тянет.

– Все, идем. Хватит, хватит.

Топают за ней, оглядывается.

Вряд ли справится. Вряд ли.

Шофер бежит, забыли, что ли, что-то?

– Доктор, просили вашу визиточку, ну, если что, – напрямую...

– Визитки нет, а телефон вот, пожалуйста.

Я как знал, приготовил заранее. Ну, похоже, не навсегда – будет ко мне на свои сорок пять приезжать отдыхать... Как он там пел кошкам?

– Ни что не вечно – вечно нечто...

МОЛНИИ

Не верю я в молнеотводы. Меня не бледный огонь страшит, а гром. Но, когда на небо находит чёрная туча и поднимается ветер, я задёргиваю шторы. Символический жест – демонстрация почтительного ужаса. А вообще-то я уверена, что молнии для того и существуют, чтобы попадать в цель: в дерево, в лошадь, в человека. И сжигать.

НЕ ЗАДАВАЙ ВОПРОСОВ, МАЙЯ !

Над Старой Руссой закат: золотые нити вплетены в серый, сиреневый, бледно-розовый шелк. Это бесценное золото, думает Майя, небесное золото, а земное добывают из недр, оно ценится дорого – столько затрачено труда.

Майе хотелось бы поговорить о закате, о человеке, добывающем целебную грязь из соленого озера : восемь тачек в день, триста килограммов в каждой, лечебная грязь живет одни сутки. Все это рассказал ей рабочий в синем комбинезоне. У него загорелая лысина, тяжелый багор.

Еще она хотела бы обсудить кованую калитку, странную калитку в стиле модерн, поставленную на деревянных мостках: разве удобно, пробегая с тачкой, открывать – закрывать ?

Майя живет на курорте: бродит по дорожкам, купается, ходит на процедуры, вслушивается, вглядывается...

Утки после проливного дождя из соленого озера переселились в огромные, сверкающие на солнце лужи, с удовольствием плещутся в них. Они соскучились по пресной воде, да? Этот дождь был послан для них, да ? Некому ответить на Майины вопросы, некому удивиться совпадению. Вот Майя размышляет о закатах, а соседка по столу тихонько напевает : « Закаты, русские закаты, (Пора свиданий, час любви)».

Почему же ты поехала на курорт одна, Майя ?

А потому, что те два розовых облачка мы заметили случайно: оглянулись на звук, показалось – что-то упало, и увидели их, уже скрывающихся в серой мгле. Сочли это хорошим знаком, на минуту помирились, но потом опять нудно заспорили о чем-то.

И ты сбежала, Майя ? Ну, да – как всегда, вздыхает Майя. И вовсе не с мужем я хотела бы сейчас поговорить, а вон с тем человеком в сером свитере. Он бродит один и, может быть, вчера тоже видел, как на черный фрак крупной птицы, севшей на решетку, накинули атласную ленту. Переходящий знак отличия! Его получила и вторая, занявшая место улетевшей. А третья, устроившаяся правее, не удостоилась. Солнце украшает, кого хочет. Нужно попасть в поле зрения. И здесь хозяин случай!

Майю мужчина в сером не замечает. Но именно с ним хотелось бы рассматривать картинку за картинкой...

А ведь ты, вообще-то, не любишь делиться, Майя. Помнишь, сбегала от подруги в Севастополе, чтобы в одиночестве наблюдать за садящимся в море солнцем? И от мужа ты убегала, Майя, чтобы не пропустить момент, когда тень от пальмы ложится на дырчатый камень и получается портрет старика в чалме. Да, соглашается Майя, да. Но сейчас так хочется вместе... С тем, в сером свитере.

Майе грустно, Майя хотела бы спросить мужа, почему ее не замечает тот, кого заметила она. Хотела бы... Но он, конечно, отмахнется: не задавай глупых вопросов. И Майя гуляет по парку одна, напевая привязавшееся: «Закаты, русские закаты...» и считает дни до отъезда.

А вечером в баре, куда Майя забежала, прячась от неожиданно хлынувшего дождя, она увидела пару: женщину – коротко стриженную москвичку с разноцветными глазами – и его. Они увлеченно беседовали, а Майя стояла совсем близко. И опять не обратили внимание, будто ее нет. Почему? Почему они не хотят взглянуться в меня, как я вглядываюсь в камень, птицу, дерево? Почему?

Не задавай вопросов, Майя! Не заглядывай за ширму, Майя, не пытайся открыть шкатулку. Смотри на вышитых шелком птиц, любуйся искусно выточенным ключиком. И сквозь слезы смотри, Майя, и сквозь слезы. И однажды, может быть, вычитаешь ответ в сплетении поданных тебе знаков. Ведь все может быть, ты же знаешь, Майя.

НОЖНИЦЫ

Два конца, два кольца – посредине гвоздик... Выполняю заказ, подвернулась халтура : картинка на букву –н– для карточек. Русский, английский. Что сложного ? Ножницы. Но и до детей докатились волны гендерные: – рисую отдельно для мальчиков, отдельно для девочек. С бредом сим смирился – с машинкой для него, с цветочком или куколкой для нее. Кончики закругленные. Забавно. Мило. А чтоб тошненько не было, музыку слушаю, подсвистываю и вспоминаю.

Полгода назад ты провожала меня в Нью-Йорк, где я не был никогда. И не собирался. Но родился внук, которого назвали в честь. Лео. Сын прислал билет.

В самолете соседкой оказалась блондинка примерно моих лет, из Ростова. Вылет задерживался по непонятным причинам. Веселая ростовчанка, узнав, что я новичок, принялась учить меня правилам жизни. Сама она летала уже раз десять. Сначала успокоила – с нами ортодоксальные летят, всю дорогу молиться будут, долетим, как на электричке доедем, не заметите. А что задерживают, так это бывает, бывает– надо же проверить, нет ли бомбы или террориста какого, нам же лучше. Тут объявили, что выгружают багаж неявившегося пассажира, придется набраться терпения. Соседка моя принялась обсуждать новость с пожилой дамой, сидевшей через проход. Я получил возможность рассмотреть окружающих. И правда, многие мужчины в кипе. Забавно, сын заказал мне кошерную еду, значит, разделим трапезу.

После взлета соседка утихомирилась, задремала, а я от нечего делать стал представлять себе этого неявившегося пассажира и его чемодан. Американец ? А может, китаец? Чемодан огромный – легкий, или средний – в пленке?

Ты встретила меня. В экспрессе я рассказал о задержке рейса.

– А я ведь их видела! Он стоял за тобой сдавать багаж, через одного. Такой загорелый седой в белых брюках. Я запомнила, потому что брюки уж какие-то такие, вызывающие. Я не ушла. Ну, ты понимаешь... Села в кафе. И увидела его. С женщиной. Но

мне как-то все равно было, ты понимаешь. Но потом я с ними ехала в одном экспрессе. И оказалась свидетелем...

– Встань, – сказала ты.

Встал. Ты повернулась ко мне боком и положила руку на плечо.

– Они танцевали?

– Да, это был танец... Но, знаешь, слишком страстный. Я видела ее со спины. И его глаза.

Я сел. Ты сделала движение, будто крутишь хула-хуп

– Она делала вот так, – сказала ты. И посмотрела на меня с вызовом.

Вагон был полупустой, на нас никто не обращал внимания.

Ты села.

– Я видела каждое движение !

– Какого цвета был его чемодан ?

– Вопрос из серии умных, -ты, наконец, засмеялась и посмотрела на мой.

Знаю, понял, тебе показалось, что нам бы надо тоже, так вот, а без этого, эх... Но миг прошел, ты вспомнила меня, вновь увидела и обрадовалась. Как хорошо, что не во всем наблюдается симметрия...

И вот, закончив работу, я позвоню тебе.

– Может, велишь явиться сегодня в белых штанах?

Такая вот у меня теперь дежурная шутка.

ОРХИДЕЯ

И в парикмахерской орхидея! Три фиолетовых чаши на изогнутой ветке.

Я стригусь раз в месяц у Аи в пенсионное время. Маленькая парикмахерская в соседнем доме так же привычна, как почтовый ящик, из которого я достаю счета за квартиру и свет.

Орхидеи заполнили город : и в конторах они, и в поликлинике. В свое время так агрессивно входили в жизнь шариковые ручки и плащи болонья.

А ведь в девяностые, когда только появилась эта экзотика, я обожал покупать нежные хищные цветы для Норы. Коротенькие – стебель в колбе, упакованные в коробку с окошком, они вызывали у меня особые чувства, ведь я шел на свидание.

Нора, коллега, друг, советчик и критик, безотказная собеседница была еще и моей тайной, моим прибежищем.

Когда входил в подъезд, каждый раз волновался – вдруг чары развеются и мы, как в редакции, начнем с увлечением обсуждать новую статью Х. Но Нора встречала меня радостно, с восхищением принимала цветок. Свидания наши случались нечасто – я любил прекрасное состояние предвкушения.

А потом Нора отменила орхидеи...

Вечером накануне условленного свидания мы как всегда разговаривали по телефону. Уже попрощавшись, не изменив тона, она сказала: «Пожалуйста, не приноси их больше». Я понял – это означало : «и не приходи никогда».

Ночью я вынес светло- сиреневый цветок на лестничную клетку. Утром его уже не было.

С Норой мы по-прежнему увлеченно обсуждали все на свете, обменивались книгами, болтали по телефону. Ведь, в общем, ничего не изменилось.

Потом она сменила место работы.

В ту ночь, когда я выставил из дома орхидею, у меня появилась защитная шкура – ничто теперь не могло ранить меня. С этого момента я стал жить в среднетемпературном режиме.

Мне казалось, что так вполне можно существовать. Нам обоим. И дела ведь у нас шли хорошо. У обоих. Мы были поглощены работой. Прятались в привычках от сильных порывов ветра? Возможно. Ведь не разбились, не искалечились... Мне казалось.

Но Нора ушла. А я не искал.

Эти орхидеи вокруг – привычный чужой язык, не понимаю, не трогает.

Но эта – глядит из рамы зеркала, как из окошка. Зачем так назойливо?

Осторожнее, Айя, осторожнее! В глаза же... Вот, заслезилась. Дайте же салфетку! И уберите, уберите... Впрочем, теперь это уже не поможет.

ПАРОЧКИ

Кто-то положил ей на колени веночек.

Длинное платье, скрещенные руки, волосы собраны в пучок.

Красивое спокойное лицо. Поза естественная, что бывает далеко не у всех уличных скульптур. К ней и вправду хочется подсесть, но не чтобы сфоткаться – а так, правильная она. Но не останавливаюсь, бегу дальше.

Бегу быстро, ветерок подгоняет. И мысли в голове быстрые, мысли – картинки. Ей бы в пару подошел тот, увиденный из окна вагона: черное облачение, кожаные сандалии на босу ногу, черные брови, а волосы белоснежные, длинные, лоб – сократовский, очки – хамелеоны. Высокий, тонкий. Сел бы на скамейку к ней вполоборота, и разговорились бы они, разболтались. А на деревьях птицы пищат о своем, бабочки над ними кружатся, люди мимо проходят, может, и присел бы кто-то, чтоб селфи сделать.

Бегу, и рядом кто-то вроде бы есть, песенку напевает «Гей, ты Висла голубая, лес вокруг лес вокруг...» Ангел, что ли ?

Успела, вскочила в вагон, можно оглядеться, чаю попросить, причесаться и спокойненько катить до Минска. До видение, дарлинг Варшава, дело сделано. Рискованное вообще-то дело: пачки листовок, брошюры. Но уж не впервой! Мы, юные пан-славянисты, готовы на многое, чтобы раскинуть свою сеть. Раскинем по миру, привяжем колокольчики, чтоб предупреждали, когда чужие попробуют сунуться.

А классно мы с Вандочкой в кафе шмотками обменялись – фигурки у нас один в один. И парк классный, в котором она назначила, – цветов много, а в Москве еще холодно... Драйвово было!

Вот уже год у меня есть Дело, а то хоть режься, вешайся, топись.

В Варшаве – я, в Минске – мне, какой-то парень. Передаем друг другу. Статьи, воззвания. Стишки разные. Опасненько!

В музее назначено, в зале икон.

Бежит поезд по рельсам, я бегу по жизни, теперь-то хоть с эстафетной палочкой в руке, дзизику барджо.

Солнечно в Минске, но ветрено. Улицы здесь, как из прошлого: Ленина, Маркса, а еще неизвестного мне Володарского, не вычеркнули их. Наши говорят : все, что идет в дело, бросай в топку смело!

Бегу от вокзала к музею, тороплюсь на конспиречу – в одиннадцатый десяток, сразу как откроется. Чего-то вдруг потрясывать стало, но не от страха же. Может, голодная?

Во, мадонны эти... Смотрят и смотрят, и взгляд у них такой... Прямо, как у прабабушки Евы с фотографии. Опаздывает что-то белорусский партизан...

А это что еще за римлянин с поросенком в ногах? И не римлянин вовсе – архангел Михаил и бесенок мелкий с рожками. Сам он в золоте, с мечом, на ногах сандалии с кожаным оплетьем, смотрит куда-то вдаль. Веревка у него со свободной руки свисает, петля на шее бесенка. Смотрит он не на него, а на большое Зло, а маленькое сжалось, копытцами сучит, рожками трясет. Архангел, как Болда, его веревкой укрощает, что ли ?

– Это из старого костела, разрушенного в лихие времена. Дерево. И золото настоящее.

Голос приятный – оглянулась: на каблучках, тоненькая, волосы седые. Что там на бейджике? Ангелина. Понятно : увидел беса, ищи ангела.

А время-то уже одиннадцать тридцать пять. Непозволительно нарушает!

– Вы в Минске первый раз ?

– В первый, да.

– Вот вам еще Радзивиллов нужно посмотреть.

Ну и что ? Две женщины: одна в красном, другая в черном, с веерами. Вроде, похожи. Не очень-то интересно портреты неизвестных разглядывать.

– А это две жены Радзивилла – он вторую, рядом с первой, покойной, велел нарисовать.

Подумаешь, значит, так захотелось этому графу. Или князю? Одиннадцать пятьдесят... Непонятки наступают на пятки.

– Вторая в красном?

– В черном ! Но это не траур, в то время...

Понятно, что не траур, стала бы она по бывшей своего нынешнего носить...

– Да просто черный всегда в бренде. Вы вот тоже: брючки, пиджак. Элегантно.

– Спасибо. А вы, кстати, не Митю ждете?

– А? Ну да, его...

Смотрю на нее, а она так по-змеиному улыбается, руку ко мне протягивает. Пячусь, отступаю. Провокация? Веревку сейчас накинёт, как на того бесенка.

– Да что с вами? Думала, в обморок упадете. Побледнела-то как.

– Да нет, ничего. Может, потому что кофе не выпила.

– Так идите в кафе. На первом этаже. У нас вкусный варят. И вот, возьмите, Митя просил передать.

Прячу руки за спину – нет, нет, нет.

– Ошибка, наверное. Я другого Митю. Ваш, наверное, Дмитрий? А мой... Мой Мстислав. Я ему позвоню. Всего доброго. Спасибо за экскурсию.

И пошла. Иду, а она хохочет-заливается. В спину мне смеется.

– Лида, да подождите же ! Он не смог. Вот, передал. Кажется, список литературы. Для диплома.

Протягивает файллик.

Какое там кафе – бегом из музея.

Бегу, бегу по Ленина, знобит. Скорее на вокзал.

В вокзальной уборной свет тусклый, но прочитать можно. Камер вроде, нет. Да, все точно. Кто она ему :тетка, мать? И что она, эта Ангелина, знает про нас?

Но правильно ли сделала, что взяла? А вдруг... Блинский Митя!

Странную мы с ней составили парочку, если, например, нас заснять: она такая вся выщипанная, вылизанная, хоть ей все шестьдесят, а я в татушках, волосы зеленые, кроссы немислимые.

А все же молодец эта вторая, в черном. Молча, гордо, без возражений приняла каприз этого Радзивилла, потому что жизнь длиннее жизни, и время равнодушно течет мимо любой парочки, любой, даже той, на варшавской скамейке.

Кофе. Сигаретка. Звонок другу.

— Я на вокзале. Поезд в четырнадцать. Все сделала, вроде. Чувствую себя глупым бесенком из сказки А. С. Пушкина. Не, не мышонком никаким. Подробности при встрече. Кстати, я в куртке черной, ага, в такой, как у тебя. Понял ? Ну ладно, давай, тогда.

Встретимся на Белорусском в Москве, обнимемся. И пойдем не спеша. Две черные точки заметит кто-то из окна своей быстрой машины, даже не догадываясь, какие планы строит эта парочка.

ПЕТУХ И ЧАЙКА

– А Мария Магдалина, как ты думаешь, аборт делала?

Выдержим короткую паузу.

– Конечно! Не раз избавлялась от плода. Плодов. Семян.

Я отодвинулся и хлебнул пива – замутило, как себе представил.

– Значит, и это ей простил Иисус... Тогда почему это смертный грех?

– Слушай, я просто ляпнул, а ты... Откуда я знаю, может, она и не залетела ни разу!

– Ни разу?

Задумалась. Замолчала. Я закурил. Вспомнил, что ей вредно, загасил.

С тех пор, как я перевез ее к себе, я должен постоянно отвечать на странные вопросы, желательного, лаконично.

Ника моя сестра– близнец, но до чего же мы разные, вот уж точно не из одного яйца вылупились! Она – чайка. Я – петух.

Два месяца назад они попали в аварию – Ника и Влад, мой лучший друг. Ника мгновенно лишилась мужа и отчасти разума. Не лишилась она плода – рожать ей через три месяца.

Сестре нужно, чтобы я спал рядом, ел в одно с ней время и разговаривал, разговаривал.

Психолог, надеется, что примерно через год после рождения ребенка она придет в себя – начнется новый цикл. То есть, как я понял, она зациклится на ребенке.

Честно говоря, я тоже не в лучшем виде – с Владькой мы вместе с детского сада. Когда-то с Никой они цапались, а потом приклеились друг к другу намертво.

Вот что ей Мария Магдалина? Сама, вроде, не шибко гуляла, или я чего не знаю?

Вчера, на вынь да положь, я должен был подтвердить, что хорошо, что Кэт и Пат вовремя умерли – их не успели разлюбить. Я сначала все путался, которая из них из Ремарка, за что получал тычки в бок, потом усвоил, что Кэт из Хэменгуэя умерла родами,

а вторая, соответственно, Пат, от чахотки. Чахотки Нике не досталось, и она решила... Да, нет, неужели я готов поверить, что не туда ударило и погиб Влад? Бред. Бред.

Вот сидит в ночной рубашке, ручки сложила и молчит. Оказывается, она давно молчит – даже за пиво не попало.

– Завтракать будем? Встанешь или сюда подать?

– Ник, а что твоя девушка у нас не появляется?

Приехали. Куда тут еще девушку, работы бы не лишиться.

– Да занята она.

Лениво так отвечаю, безразлично.

– И ночами?

Опа. Это еще что за ход?

– Ты хочешь, чтобы я уложил ее здесь третьей?

Грубо. Тупо.

– Ну, и что, Николай, ты такого умного сказал? У тебя же две комнаты.

– И?

– Но вы же скучаете друг без друга? Я бы не смогла так долго без Влада. И он без меня.

Смотрит карими глазищами вопросительно. Ну не объяснять же ей, что вовсе на Кате не помешан, отношения у нас свободные.

– Так что, завтракаем?

– Знаешь, я, пожалуй, вернусь домой. Не хочу быть помехой – вы ведь еще только у подножия горы.

Значит, все же спада испугалась. Неужели из-за этого Владька погиб?

– Да, я Ник, я...

Мычу что-то, рукой машу. И так мне Владьку жалко.

– Не-не-не, не вздумай. Нормально все, нормально.

И утыкаюсь ей в живот и реву, реву, как дурак, ведь Владькина она, Владькина, и такая своя, близкая, и ближе меня никого у нее нет. И не надо мне ничего, раз такого вот, как у них, нет, не надо!

И плевать, что смотрит недоверчиво, чайка глупая.

ПОСЛАНЦЫ БУДУЩЕЙ ЗИМЫ

Замороженные медузы ! Замороженные медузы ! – радостно верещали дети.

Взрослые подсчитывали убытки: разбитая теплица, покаленные растения, разбившийся вдребезги цветной подвесной фонарь...

Последствия града остались, а хрустальные игрушки растаяли на глазах. Маленький Илья заплакал, когда подаренный бабушкой гладкий холодный шарик стал уменьшаться и превратился в лужицу. Мокрые ладошки вытерла жестким платком сердитая нянька.

Бабушка, стоя в сторонке, рассматривала крупную бусину, лежащую на огромном лопухе, все лопухи, вымахавшие в это anomальное лето, срубили, а один по ее просьбе оставили.

Чудачка, шипела недовольная нянька, и ребенка чудачествам учит.

Влюбленные, которых град застал по дороге к станции, сочли себя обласканными судьбой и на радостях заказали в привокзальном буфете шампанского со льдом и выпили друг за друга, решив не расставаться вовеки.

Куры, попрятавшиеся было от внезапно посыпавшегося слишком крупного зерна, с любопытством разглядывали жесткие кругляшки.

Студент третьего курса журфака заснял ледяной дождь на видео и отправил знакомому на телевидение.

Вечером в новостях показали дачный поселок Перышкино, на который обрушился невиданный град. Разбитый фонарь, сбитые головки цветов, крупные блестящие ледышки...

Бабушка и нянька, уложив маленького Илюшу, сидели рядом перед экраном.

Нянька по телефону отдавала приказание сыну: « Включай немедленно ! Нас показывают – у нас невиданное! Отличились! Успел ? Увидел ? То-то. А говорил, зачем у чужих, когда свои... Затем, что тут и деньги, тут и честь...»

Бабушка смотрела на снятые с разных ракурсов ледяные фигурки и вспоминала, сколько чудес ей довелось повидать. Шаровая молния – это раз, тройная радуга – это два... Упавшие ей под ноги градины – это посланцы будущей зимы, зимы, которую она с нетерпением ждет, потому что в декабре вернется из жаркой страны тот, кто еще ни разу не видел Илюшу. Его возвращение станет третьим чудом...

Нянька, поднявшись с дивана, аккуратно собрав шелуху от семечек, миролюбиво сказала :

«Спокойной ночи, Лина Борисовна, пусть ваша дочка Аня не расстраивается – мой Вовка приедет, стекло разбитое заменит. Все же, смотрите, славы удостоились. Илюше будет, что вспомнить, чем перед другими детьми похвастаться, как в сад пойдет.»

Бабушка улыбнулась и, зайдя в свою комнату, перечеркнула тонкими линиями 23 число. Еще один июльский день прошел...

Подумав, она поставила большой восклицательный знак.

ПЯТНА РОРШАХА

Мы шли белым полем к реке. Солнце весеннее, а пласт еще плотный, зимний – оттепель пришла только этой ночью. Река недалеко, скрытая подо льдом, присыпанным снегом, она не будет отличаться от поля. Можно спокойно ступить на крепкий, надежный, природой созданный настил и двигаться на другую сторону – а там станция: вокзальчик, газетный киоск, тетки с соленьями.

– Смотри, пятна Роршаха!

Мы одновременно увидели по обе стороны кромки берега две черные кляксы: полынью и проталину.

– Рыбу ловили!

– Костер жгли!

Стояли рядом, руки сцеплены в замок, рассматривали, обдумывали.

– Рыцарский шлем.

– Крылья бабочки.

Кто и зачем плеснул черной тушью на белый лист и заставил нас вспомнить забавы нашей юности?

Сколько раз мы капали разноцветные чернила, складывали бумажный лист пополам, ждали, пока растечется, и начинали разгадывать символы, указывающие на сложность устройства наших душ. Мы все были сложными, нас ждала сложная и интересная жизнь. Мы все были посвященными, но были свои гуру, свои ринды, свои ассы в психиатрии.

Как радостно мы подтверждали склонность к депрессиям, навязчивым состояниям, ночным страхам, ведь это свойственно всем творческим натурам...

Сколько лет не вспоминали. Как можно было интерпретацией каких-то пятен измерить ужас глубоких депрессий, с которыми позже не раз столкнулись многие из нас?

– Но как тогда интересно было, да?

– Захватывающе!

– Как Мастер ставил диагноз !

- Суперпсихолог был. Да и все наострились: и я, и ты, и Герка.
- И нет их давно: ни Мастера, ни Геры.
- И Нонны нет. Утонули, сгорели. Что-то мне не хочется ступать на этот лед с черной меткой.
- Ну, тогда в обход?
- В обход. Нам с тобой исключительно повезло, мой друг, что мы так накрепко сцепились еще тогда – не снесло нас, не сдуло.
- Повезло. Брысь, черные кляксы!
- Привет тебе, солнце – ярило ! Продолжай, растапливай, занимайся делом!
- Да, а мы в обход. В своем темпе, в обыкновенном.
- Помаленьку... Но я так ясно их всех увидела: Мастера, Герку, Нонну.
- И я. Полынья, проталина, черно- белые полустершиеся фотографии.
- Пятна Роршаха.

СБЛИЖЕНИЕ

Пока дни теплые, нужно бы выгулять новые шляпу и туфли. Пойдут дожди – в светлом не походишь, на каблуках не побегаешь.

Какое метро скучное: никакого разнообразия в одежде, в облике. Людей много, а приятные лица почти не встречаются.

Втиснулась рыженькая девчонка с рюкзаком, за ней толстяк в расстегнутой куртке. Стоим впритирочку, разглядываем друг друга, мы с рыженькой, толстяк спит с открытыми глазами. На ее черной футболке выбито белыми буквами «все сложно». Шрифт крупный – заметишь издалека. Кто бы спорил? Было бы по-другому, тащилась бы разве сегодня за тридевять земель, чтобы выпить с приятельницей кофе? Причем, рядом с ее домом! Даже на полпути ее не устроило! Но что поделать, если только это и есть. Не с соседкой же, хотя она бы и не против. Но с ней какой же выход в свет?

Ну, вот что у этой юницы (вот словечко-то всплыло) сложно? Мальчик, родители, институт...

– Вы не выходите?

Ну, разве этакая глыба может услышать ее писк? Развернулась боком, показываю – пролезешь. Стоит у самой двери. А на спине-то у нее написано «зато не скучно!» Ну, просто диалог на сцене! И зачем это я, как на веревочке, вслед за ней выдралась, потревожив толстяка? Мне ж на следующей, на «Серпуховке».

Девочка на лавочке шнурок завязывает.

– Что «сложно»?

Смеется: «А, это... Так в сети же у всех. Ну, у некоторых. Как бы статус. А на футболку – это парень мой придумал. Может, вам нужно? Для дочки там... Или внучки».

Взяла визитку. Не объяснять же ей.

Всего-то один поезд пропустила, почти не опаздываю, а она звонит: « ты где?», и голос такой... Вот развернулась бы и домой – на диван, под плед. Но шляпа с пальто раз в кои веки совпали...

Сидит за столиком на улице. Какая курточка стильная, очки модные.

– Заказала?

– Нет еще. Хочешь воды?

Пью воду с лимоном и смотрю на нее, точнее, на костыль, стоящий возле стула.

– Это все Марк.

Его знаю – ему под восемьдесят, пока не засел дома, иногда ходили все вместе на выставки и на концерты.

– Завел свою песню: ты одна, я один, случись что, никого рядом... Полезла пыль на верхней полке протереть и вот...

– Хотя без смещения?

– Без. Но лодыжка... Плохое место.

– Это все подсознание – оно коварное.

– Это Марик коварный.

– Да, все сложно.

Рассказала ей про девчонку, даже карточку показала. Проводила до лифта. И вот уж вправду не скучно – она пригласила во вторник к обеду. Никогда за все годы знакомства не бывали друг у друга, стеснялись, что ли, домашнего быта?

– А тебе не трудно?

– Наоборот, стимул будет. Вот бабка моя любимая Татьяна на костылях пол мыла, кашу гречневую варила. Было для кого.

В метро людей не разглядывала, глаза прикрыв, обдумывала случившееся. Этот день отмечу белым камушком – записью в дневнике. Надо скатерть достать, отгладить, чашки пересмотреть, нет ли трещин. Как снимут гипс, привезу ее к себе чай пить. Кажется, сближаемся...

ТЕОДОР И АРСЕНИЯ

Утром за моим столиком завтракало семейство : Теодор, Тихон, Василиса и Арсения. Как зовут мать, я так и не узнал, ведь они все называли ее просто «мама».

Я прожил в отеле уже неделю. Мертвый сезон, публики мало. Мой столик возле стены, я мог бы пересесть, но лень, упрямство и, пожалуй, любопытство заставили меня остаться на месте.

– Теодор, ешь хлеб с маслом, тебе можно.

– Тихон, не тяни руки, сыр тебе нельзя.

– Пусть тогда и девочки не едят, а то им все можно, а мне ничего!

– Арсения, смотри, ты рукавом влезла в сметану.

– Василиса, салфетки для этого есть!

Я принес йогурт, яйца. Налил кофе.

На меня уставилась дама, с которой мы кланялись, но сказали от силы два слова – наверное, она решила, что ко мне приехала семья.

Да, семья из провинции – мама говорит «я взяла» с ударением на «я». Но даме все равно, она просто слышит русскую речь.

Кажется, старичку-немцу тоже не нравятся мои «родственники», он пересел к нам спиной, хотя привык сидеть лицом к залу.

Все это меня только позабавило, а заинтересовал меня подбор имен. Тихон и Василиса, это понятно, а вот Арсения и Теодор... Какой ход мыслей был у нарекающих?

Арсении на вид лет десять, Василисе чуть больше, Теодору – тринадцать, а Тихону, последышу, пять.

Мама, блондинка в очках, отличается точностью движений и скупостью формулировок. Кажется, у нее на каждой руке по обручальному кольцу.

Она в отличие от детей на меня даже не взглянула – пила кефир маленькими глотками, поправляла салфетку на коленях Тихона.

Но вот поднялся Теодор – спасибо, мама. Затем Арсения, Василиса.

И я встал, сложил салфетку, направился к выходу.

— Извините. Понимаете, детям понравилась картина, они попросились за этот стол.

Я взглянул на стену – обыкновенный натюрморт с яблоками.

— Пустяки. Я нисколько не в претензии.

Можно было бы завязать разговор, узнать, откуда они. Но зачем? До того, что меня интересует не добраться, а остальное мне знать незачем.

Но все-таки, Теодор и Арсения... Допустим, муж, в память о котором она носит кольцо на левой, звался Арсений. Скорее всего, чушь. Темно, пробираюсь наощупь.

Вот сижу в холле, чего-то выжидаю. Жду разгадки? А загадку-то мне никто и не загадывал!

Я сбежал из Москвы обиженный и расстроенный. Женщина, к которой я начал было испытывать интерес, взяла и все испортила: преподнесла мне в подарок прекрасную книгу (мне исполнилось 52) и вложила в нее открытку. Открытку! Как какому-то коллеге : «Желаю здоровья и счастья!». Какая пошлость. А я ведь перед ней уже чуть-чуть раскрылся.

Написал ей письмо, возможно, обидное. Но я был взбешен, это же так понятно. А она в ответ: « Я уже собралась виниться, оправдываться, защищаться, но вмешались ангелы и шепнули : «промолчи!»

И как это понимать?

И вот сижу и мучаюсь, может, она умнее и застенчивее, чем казалась? Может, она осторожничала, дула на воду, пробиралась ко мне, затаив дыхание? А я оборвал, отчитал. Отпугнул.

Как бы подкрасться, проверить?

Договоримся так, если за обедом я эту семейку не увижу, то... А если явятся, позвоню Татьяне.

Конечно, их нет. Как стая птиц, присели на ветку, снялись, полетели. Куда, зачем? Не узнать.

Сижу один. Суп стынет. Скучно. Скучно, Таня.

Что бы такое сделать, чтобы стала ты мне так же интересна, как эти Арсения с Теодором? Чтобы захотелось понять хрупкость и беззащитность, неловкость твою? Что сделать мне, Таня?

Перепрыгнуть через натянутую невесть кем веревку-запрет, пуститься в пляс?

Пара на пару: мы с тобой, да Арсения с Теодором . Пусть завертится детская кадрили: руки калачиком, юбки вбок. Ах-ах, ох-ох... Пусть окружит нас, Таня!

ПРОСТО, ГРУБО, ЧИСТО

Он просил – я сделала. Тату.. Имя его первой любви. Мне больно было, да. Ревновала. Но он хотел. Не любил меня? Любил! Испытывал, что ли. Вот смотрит на ее имя, а меня вспоминает.

Я не то чтобы просил, так, намекнул. Не мог забыть Юльку-цыганку. А она вроде как на все готова. Как собачонка какая. Бросил ее. А теперь каждая меня спрашивает, кто, мол. Никто, а что. Жертвенность это. Дура. Может, и жили бы.

ТЕРМОМЕТР

Я – градусник, я – термометр, – заходится сумасшедший в больничном саду.

Маленький мальчик смотрит на него из окна сестринской.

Нервно, резко кричит павлин – пленник больничного зоосада.

Женщине в марлевой вуали нравится птица, и, притопывая ногами, начинает больная ей подражать.

В глазок за этой сценой наблюдает палатный врач.

В мансарде мать мальчика стоит обнаженная перед слепым подростком, он изучает ее тело, слегка прикасаясь.

На низенькой скамейке сидит художник и делает наброски.

Депрессивный из подросткового и художник – одна семья.

Отец и сын.

Мальчик думает о градуснике, кто его придумал? Он ходит по сестринской, заглядывает в шкафы и ящики: початая бутылка водки, бутерброды в целлофане, половина шоколадки, скрученные бинты, зарядка для телефона. Градусники! Букет из сосулек, думает мальчик, вынимая один из обмотанной пластырем банки.

Мальчик прикладывает градусник ко лбу, к щеке, потом засовывает под мышку. Почему полагается именно под мышку? Мальчик силится представить себе человека, который, когда-то догадался, какая температура нормальная, а потом загнал ртуть в стеклянную трубку.

А больной уже не кричит. Что с ним сделали?

На лавочке сидит необъятных размеров женщина в белом халате, под мышкой у нее прячется человек – градусник.

Женщина безмятежна, больной спокоен. Но что будет, когда она его вынет?

Мальчику хочется, чтобы кто-нибудь пришел, ему надоело сидеть одному.

Взмах рукой – и градусник летит на пол. Расколосся! Шарики ртути рассыпались по полу, страшные блестящие шарики. Этой ртути все боятся : и мама, и воспитательница в саду. Почему? Мальчик всхлипывает, пытаясь осторожно собрать стекла, не касаясь ртути.

Женщина, откинув вуаль, радостной улыбкой встречает входящего в палату врача.

— В тот день мы ходили на лекцию. Понимаете, нам показывали слайды: мраморные женщины под вуалью. Скульптуры. Я тогда догадалась – все самое красивое на свете делают гении. Только гении! А простым и не надо пытаться.. Понимаете, мы давно живем с мужем, ну, как женщина и мужчина. И все хорошо у нас – просто, обычно. И ничего другого, наверное, нам и не надо. А вот тогда, ну, после лекции... Метель была сильная – конец января. И молния! Когда мы к подъезду подходили. Мы все вспоминали про этих женщин ... И вот ночью... Ну, когда легли... Случилось. Вот я читала в Библии или Евангелии, не помню, что кто-то был «восхищен». Не на о ударение, а на и. Взяли того на небо и показали, такое, что обычный человек выдержать не может. Прекрасное. Понимаете? Это можно только гениям и святым. А я простая. Я не знаю, как это произошло. Муж... Это муж как-то...

— Не волнуйтесь, не плачьте. Если трудно вспоминать – не надо.

— Не трудно. Вспоминать не трудно – рассказать невозможно. Стыдно словом касаться. В общем, не смогла я после этого с ним. Понимаете? Неловко как-то... Ведь не по чину дали. Не могла мужу в глаза смотреть. Вот и вспомнила про вуаль... Те женщины, может, были гениальными, и взгляд у них был особенный ... И вот, чтобы не смущать, прикрыл им лицо скульптор. Понимаете?

— Уточню – вам показалось, что взгляд ваш теперь...

— Ну да! Да! Но нескромно об этот говорить...

— Ну хорошо. А зачем вы кричали, как павлин?

— Он красивый, странный. Особенный... Его гений придумал. Он что-то чувствовал, видел. Я не специально кричала, мне кричалось.

— Ну-ну-ну... Давайте вернемся немного назад. И что вы стали делать, когда надели вуаль?

— Ничего. Как раз совсем ничего. С мужем не говорила. Ни с кем не говорила.

— А вы знаете, где сейчас находитесь?

– В больнице. Меня муж привез. И правильно сделал – я поломана. Не могу больше быть простой, доброй. Я же не гений, не святая... Я просто голодная, вечно ждущая чего-то... Знаю, что не нужно мне давать, а жду, хочу... Мне не надо теперь с людьми жить. А с мужем просто ни за что нельзя. Вы понимаете?

– А он ведь вас любит...

– Не надо так говорить... Нельзя.

– Он уехал далеко. В монастырь. Говорит, выбрал скуфью не по призванию, а от безысходности. От отчаянья.

– Ну, значит, так тому и быть – я сюда, он – туда. Знаете, что я вам по секрету скажу? Мне кажется, он тоже тогда увидел. И тоже испугался...

– Вы вот с людьми не хотите... А я ведь тоже человек. Врач – это только профессия.

– Не снимайте халат! Что вы делаете? Я с профессией и говорю! А вы мне не нужны!

Успокоил врач больную, отправился к себе в кабинет продолжать статью – такой случай интересный.

Проходя мимо сестринской, услышал тихий плач.

– Ты что здесь делаешь?

– Маму жду. Она меня привела и работает.

– А плачешь-то почему? Соскучился?

– Вот. Ртуть. Градусник разбил... А вы знаете, как он измеряет? Почему именно ртуть?

– Попозже, малыш, попозже, а пока пойдем ко мне. От греха подальше. А сюда специалистов вызовем. И все будет хорошо. Отличненько будет.

Мама мальчика одевается за ширмой. Художник что-то втолковывает сыну, перебирая работы. Старые часы бьют два раза.

Больной подросток завязывает и развязывает пояс на халате. Ему понравилась тактильная терапия.

Мама мальчика, подкрасив губы, бежит в сестринскую и попадает в объятия дородной сестры – хозяйки.

– Ты что ж своего одного бросила? Он градусник расколо-тил. Сейчас эта – дезинфекция или, как ее, явится. Платить придется!

– Как платить? За что платить? А сын мой где? Мальчик где?

– Мальчик где... Спихватилась. Нечего оставлять. За что платить? За вызов, работу... Больница что ли, за твоего должна?

– Да пустите, пустите! Отравился он, да? А деньги – вот, берите, берите... Да где он?

– Да что ты блажишь – то? Забери гроши свои. Поучить хотела... Из воспитательных я, это, соображений. У дежурного врача он. Ишь, распахивалась – в пору саму класть.

Мама мальчика вбегает в кабинет. Мальчик держит в руке термометр.

– Положи! Положи немедленно! Нельзя на минуту оставить! Простите его... Нас...

– Мам, ты чего? Тебя долго не было. А он мне рассказывает...

– А ну прекратите истерику! Что вы ребенка пугаете?

– Но ведь ртуть!

– Что ртуть? Сейчас приедут, все сделают.

Мама мальчика начинает рыдать еще громче, но теперь уже как-то по-детски, с облегчением.

Мальчик, гладит ее по голове, успокаивая.

Врач, присмотревшись к ним, что-то быстро записывает в тетрадь.

– Ну, ты понял, малыш, что это было гениальное прозрение! Ему открылось, как это работает. Вот бывает, живешь – живешь и вдруг – молния, миг – и ты гений!

Врач выглядит забавно – халат застегнут криво, рука с термометром воздета над головой.

Мама с мальчиком, взявшись за руки, входят в больничный буфет.

Сестра– хозяйка приветственно машет ей. Мать мальчика вежливо кивает, но усаживает сына за столик подальше от всех.

– Мам, я все понял про ртуть. Но кто такой гений?

– Не знаю, сынок... Про некоторых так говорят, очень известных, про Пушкина, вот...Я не встречала... Да какая разница, главное, все обошлось.

– Нет, это интересно. Я вырасту – встречу. Обязательно. Или даже стану.

– Станешь, станешь, сынок. Обязательно. Ешь! И обещай, что никогда больше, никогда в руки градусник не возьмешь! Я чуть с ума не сошла!

Женщина, сняв с лица застиранную марлю, всматривается в свое отражение в оконном стекле.

Большой мужчина, крепко привязанный ремнями к кровати, тихо шепчет: «Осторожнее, не разбейте. Не разбейте меня»

В глазок за ним наблюдает врач.

Сестра– хозяйка, попивая чай в каптерке, говорит зашедшей на огонек нянечке :

– Главный после сегодняшнего велел все ртутные списать. Электрические будут. Прогресс!

Нянечка машет рукой, один хрен – что ртуть, что не ртуть. Во, рука моя, надежней нету. Жар есть – болен. Нет – здоров. Гуляй!

– Это психическим-то ?

– А им, думаю, чем выше, тем лучше. Другой мир – другие законы, нам неведомые.

– Что да, то да. Есть тут один, да ты знаешь, «градусник». Вот что ему мерещится?

– И вникать не хочу! Мое дело полы мыть. Вот, кстати, и пора. Спасибо за чаек.

Сестра– хозяйка выглядывает в окно – дежурный врач стоит возле павлина и что-то говорит ему, размахивая руками.

Сестра – хозяйка, покачав головой, принимается считать застиранные наволочки с расплывшимся больничным штампом, стараясь ни о чем не думать, ни о чем не думать.

СУХОЙ БУКЕТ

Этого человека я уже однажды видела— он стоял на приставной лестнице и прибивал доску. В парке было безлюдно, тихо. Стук молотка напомнил детство, дачу.

— Вы голубятник?

Что-то я слишком громко. Смутилась.

— А чего? Птичек любишь?

— Да я так. Из любопытства.

— Ну, иди, иди своей дорогой, любопытная.

А потом были страшные летние грозы, и мы с матерью занавешивали окна одеялами, чтобы пугаться сверкания молний.

И вот октябрь, и я снова в парке. А на аллейке возле голубятни появился маленький блошинный рынок. Чего только люди не выносят! Вот веер, еще вполне приличный, запонки, забавные, кстати. Какой толстяк колоритный! И скатерть вязаную так эффектно держит на растянутых руках. А вот... Ну да, тот самый, голубятник в резиновых сапогах. А предлагает он сухие букеты! Лицо у него, оказывается, совсем не старое, а как-то по-старинному красивое.

— А зачем вы их?

— А-а, любопытная. Так все просто. Тебе вот розы дарят иногда?

— Иногда.

— И они же не всегда осыпаются, да? Засыхают. Стареют красиво. Да?

— Ну да. Мне еще учитель рисования указывал на красоту засохших лепестков. Я много раз зарисовывала все эти изгибы-извивы.

— Ну, вот. Значит, понимаешь. А если розы никто не дарит, значит, не будет вот этого.

Фу, сует под самый нос.

Красоты. Воспоминаний не будет.

Чудной, не знает, что ли— чужие воспоминания не приживаются. Розы в конце концов можно самой себе купить и засушить.

— А мне продадите?

— Тебе так отдам. Для магии.

— Это еще что такое?

— Сны будут навевать. Особенности. А то ты в яви-то скучаешь частенько. Так ведь, любопытная?

Вспомнила! Видела однажды, как кто-то выпустил голубей. Взмыли вверх, как пушистый шар, разделились, покружились над крышей голубятни и исчезли. Он и выпустил, конечно.

Что мы тут обсуждаем? Нелепый разговор. Но принесу домой историю.

— Бери- бери, да иди. Ко мне вон покупательница спешит.

Ну, взяла. Ну, пошла. Но любопытно же, какая. Вот это да! Как из сна явилась – высокая, статная, волосы белые, высоко заколотые и черный бантик. И ведь покупает, правда!

Нужно опять завести привычку сохранять сухие букеты. Есть, есть в этом обаятельная магия, приятная сентиментальность, добрые отношения со временем. Ну, и к голубятне стану наведываться. Из любопытства.

БЕЛАЯ НИТКА

— У неё на платье белая нитка. На чёрном платьице. Я ещё подумала, блондин прицепился. Знаете приметку?

— Ой, погодите вы, женщина, какая ещё нитка! Кто что конкретно видел?

Толстуха в жёлтом плиссе обиженно отошла.

— Я ему о деталях, приметках...

Пожилой мужчина с целлофановым пакетом пожал плечами.

— Что там было видеть? Она стояла, мы стояли. Как огоньки загорелись, ну, значит, поезд близко, она и куинула.

Галдели, шумели. Страх давно рассеялся, осталось любопытство.

— А что вообще было-то?

Молодой полицейский, коренастый круглолицый махнул рукой.

— Да схулиганила она! Бросила шар из фольги. На рельсы прям. Это ж провокация!

Мужчина кивнул.

— Расшатывание лодки. Моральный терроризм! Наказуемо!

Полицейский оглядел взбудораженных, чего-то ждущих от него людей.

— Да разберёмся! Езжайте по своим делам. Разберутся и накажут. А как же?

Через некоторое время движение было восстановлено. Это мелкое происшествие не попало в городские новости, только немногие москвичи что-то где-то услышали о девчонке что-то там бросившей под поезд на станции «Достоевская». На тихой малолюдной станции, где хмурый писатель наблюдает за перемещением человечков, а Раскольников замышляет злодейство. Автор и герой черно-белой картинкой застыли на стене, и никто их не замечает.

А тем временем девушка в чёрном платьице добежала до кафе на Новослободской.

— Ой, Матросик, мы сделали это! Сделали!

Верочка Линда всё ещё пребывала в эйфории.

– Мы показали, как это страшно!

А Андрей Матросов, однокашник Веры по архитектурно-строительному колледжу, выглядел смущённо и смотрел как-то вбок.

– Вер, я тут... В общем, пока ты там...Знаешь...

Верочка, пока не замечая некоторой странной заторможенности друга, возбужденно тараторила:

– Я выхватила – раз ... И... Хоп – левой! Почему-то левой! И побежала. А мужик, слышу, кричит в телефон «Теракт»!

Операцию «паника» ребята придумали, когда им в приказном порядке велели ко Дню города сделать плакаты на тему «терроризм».

– Всем обязательно! Иначе директриса, сами знаете что... И нас с кем-нибудь сольют. Оптимизируют. Или вообще прикроют.

Со старостой никто не спорил. Ну, теперь терроризм, а до этого в защиту животных рисовали.

В тихий отказ ушли двое – якобы, заболели. Стали списываться, общаться, а до этого почти не замечали друг друга.

– Я вообще не хочу об этом думать! Не собираюсь. Не моя тема!

– Я-то много читал, знаю. Вообще слежу. Знаешь, это хроническая болезнь общества. Бывает иногда ремиссия – тогда страна, любая, кстати, живёт себе поживает. Всё спокойно. Но недолго. Относительно недолго, конечно. Иногда целое поколение отдыхает. А вообще-то вирус повсюду.

– Ну, не знаю... Нас –то зачем заставлять рисовать? А про вирус вообще-то понятно.

Так они договорились до того, что надо действовать, как-то просигналить об опасности рецидивов.

– Сымитируем! Разыграем ситуацию!

Андрей предложил, Вера согласилась. Встретились, кинули жребий.

И вот сидят они напротив друг друга, но каждый будто в стеклянном кубе – видят, но не слышат.

Но вот Верочка наконец-то расслышала.

– Понимаешь, Линда, я в этот час что-то такое увидел... Вот ты кидаешь – а оно взрывается! И руки, ноги, головы! Кровь,

кровь... А тебя, ненормальную, тащат в тюрьму! Судят. Казнят! А виноват я! Теоретик. Заказчик! Ты, же, Вер, только исполнитель...

– Ты что, Андрей, ку-ку? Придумали вместе! И мы ведь только разыграли! Паника была и только! А вообще, могло тебе выпасть, и ты бы... Ну тебя, я прям расстроилась! Знала бы...

Андрей смотрел в окно на вечно спешащих взрослых, на ровесников на самокатах и велосипедах и мотал головой.

– Нет-нет-нет! И ещё раз нет! Отказываюсь!

– Да от чего? Непонятный ты! Уйду я из колледжа, пусть предки в одиннадцатый в школу устраивают! Из-за тебя! Ой, а у тебя, Матросик, здесь как будто золотой серпик! Тебе уже можно бриться...

Хлопнула по вялой ладони Андрея и побежала.

– Пока!

– Какой ещё серпик? – тронул рукой щеку, – А, это...

Примериваясь, как сделать селфи, вдруг вскочил.

– Там же камеры, камеры!

– Верка, стой, подожди! – заорал в телефон и бросился догонять.

ТУКУМС – СТОЛИЦА ЦЫГАН

Тукумс – столица цыган.

Мы с женой переглянулись и засмеялись. Это было в Юрмале. Кто-то кому-то сказал, до нас долетело. Хотели съездить посмотреть, но пошли дожди.

И вот в автобусе «Рига– Вентспилс» вспомнилось. Как строчка забытых стихов.

Пассажиров не было, то есть они появлялись и исчезали, пользуясь междугородним как местным. Мы с водителем высаживали и сажали на остановках, вместе курили, улыбаясь друг другу. Мне был симпатичен высокий мужчина в хорошем костюме и начищенных ботинках. Он восседал на своем водительском месте, я сидел на переднем сиденье справа, то есть по диагонали от него. Смотрел в окно, изредка отвлекаясь на входящих. Они здоровались и проходили назад. Изредка кто-то усаживался за спиной водителя и тогда мы переглядывались и улыбались друг другу.

Благодаря подробности нашего маршрута, я всматривался в дома, в цветники Юрмалы – я вспоминал...

Через тридцать лет довелось не побывать – проехаться... Я ехал в Вентспилс на конференцию.

В какой же момент я ощутил беспокойство? Мы уже проехали Тукумс, я встретился и простился с забытой фразой... В тот момент, когда водитель, открыв дверь, встал, готовясь выйти? Пока я переключал сигареты из одного кармана в другой, он вернулся. Он пропустил вперед черноволосого мужчину... Тот быстро прошел назад, мы тронулись. Да, что-то кольнуло, но так мимолетно..

Мы проезжали озеро. Как всегда, я восхитился рефлексами, бликами. Кто-то входил, выходил, водитель не трогался с места.

И вот впереди остановка, автобус замедлил движение, я увидел две неподвижные женские фигуры на скамейке.

Когда мы остановились, одна из них, старуха в черном платке, так и осталась сидеть, смотря куда-то вдаль, вторая же, помоложе, встала и подняла руку.

Водитель вышел. Вслед за ним медленно спустился черно-волосый. И вот настоящий страх охватил меня. Да, нет, не страх – а паника, рожденная непонятно откуда взявшимся ужасом. Я рванулся следом. Что я хотел рассмотреть ?

Увидел я, уже падая со ступеньки, как водитель вытащил из багажника детскую коляску. В ней лежало что-то укутанное в черный целлофан.

Лежа на земле, приходя в себя от шока, вызванного сильной болью, я видел, как удаляются трое. Мужчина вез коляску.

Водитель помог подняться, дал таблетку.

Я ехал и тихо скулил от боли. Слезы лились из глаз.

– Так больно ?– участливо спрашивал водитель.

Я кивал.

– Надо же как нога у вас болит! Не помогает таблетка – то...

Болела не нога. Остро, страшно пронзило забытое, вытесненное.

Тридцать лет назад я совершил предательство, да, выдал, подсидел, вытеснил друга... Занял хорошее место. Ни он, ни моя жена не догадывались об этом. И в Юрмалу-то мы отправились тогда отдыхать на радостях. И послали другу открытку с красивым видом. И все у нас у всех сложилось хорошо... А у друга-то даже лучше всех, его тогда быстро втянуло в бизнес, где он благополучно и пребывает, уже не в России. Что вдруг так скрутило ? Себя что ли, представил, наказанного судьбой, засунутого в пакет? Или мерзость потаенная вдруг таким образом явилась? Черт его знает...

Надо поскорее к жене, поскорее ей рассказать, вывалить ей в подол, выплакать, как всегда, как всю жизнь.

Скорее бы началась и закончилась эта чертова конференция! Выцаганю, выпрошу, выскребу прощение. У себя! У жены! У судьбы!

БУМАЖНЫЕ ГОЛУБКИ И ПОДЪЁМНЫЙ КРАН

Птица на крыше. Длинная нога, треугольная голова. Вообще-то это кран. Громоздит кубик на кубик. За три дня башню построил. Вечером он на ёлку в гирляндах похож. Светится. Но ёлка будет зимой. А где мы будем, в Москве или дома? Посмотреть бы на эту Москву, но некогда. Родителям некогда. Бегают, ищут работу...

Скучно стоять на коленках на стуле и смотреть на кран. Скучно рисовать птицу. И через стекло смотреть на небо надоело. Но открывать окно нельзя. И ничего нельзя! Чужая ведь квартира. Ключи дали всего на неделю, пока хозяева не въедут. Рабочие дали. Добрые рабочие. Родители бегают и по очереди звонят- съешь йогурт, не подходи к двери, если позвонят, не откликайся. Ты же не маленькая, говорят. Конечно, не маленькая – шесть с половиной уже. Но низенькая. А то влезла бы на подоконник, открыла форточку и выпустила бумажных голубков! Бумаги сколько хочешь, можно сто птичек сделать. Вдруг долежат до крана?

– Она спросила: чувствуешь тлетворный запах, это когда мы только в Москву приехали. А я ничего такого не чувствовал. У нас на станции в Мещерено хуже пахнет.

– Кто спросил?

– Ну, баушка моя, баушка. Весь город, грит, пронизан миазмами. И всюду тайные знаки.

Участковый Кокорев потёр лоб.

– Так вы, значит, гражданин Машкин здесь с бабушкой, да?

– Ну, да. Она со мной поехала. Грит...

– Неважно, что ещё она «грит»! Где она?

– Да так у консьержки сидит.

– Ладно. Это потом. Значит, вы шли на обед и увидели...

– Да, у нас на крану перерыв, и я шёл к баушке, мы в это время пьём кефир. Она грит...

– Хватит! Хватит про эти запахи тли – тля... Мы в Москве живём и то таких слов не знаем, а они, понимаешь, с провинции и... Что вы, Машкин, такое увидели и почему себя так повели?

– Так я и говорю – увидел, значит, как из форточки на пятом этаже что-то то вылезает, то исчезает. Штука такая, вроде вертушки. Примерно регулярно. Цвета белого. Решил разобраться – может, знак. Баушка...

– Опять? Кто уполномочивал разбираться? Зачем и на какое время вы приехали в Москву?

– На две недели. Вахтенный метод. Работать на крану. У нас в Мещерино...

– Где это?

– Да под Пензою, точнее, за Сердобском. Знаете?

– Нет! В общем, понятно, работы нет. А бабку-то зачем привезли?

– Так она ж переживает, где да как. Один же...

– Да вроде уж не мальчик. Где проживаете?

– Так я должен в общежитии, но там... В общем, запах. И я на своём матрасике чистом. Там вот, на десятом сплю.

– Как бомж? На вахтенной официальной работе, а ночуете, значит, с нарушением! А бабка, что, тоже на коврик?

– Да нет же, её, грю же, консьержка по доброте пустила. Она у ней на полу. Всего-то две недельки. Уже одна осталась.

– Бабка – это второе нарушение! А в дверь вы зачем ломиться стали?

– Да, знаки ж! Я посмотрел, с какого окна, прикинул и пошел узнать.

– Эй, Штудин, побудь тут с ним, а я к потерпевшим, а, может, тоже нарушителям.

– А что ты тут про тлетворное втюхивал? Запада, что ли, тлетворное?

– Чего запада?

– Ну, я слышал когда-то « тлетворное влияние запада », ну, Америки значит.

– Не, баушка не про это. Она про... Ну, дух здесь тяжелый, вредный. У нас хоть дышать есть чем.

– Но не платят?

– Не платят. Но Америка нам всё равно по...

– Не выражаться!

– Так, господа хорошие, это ваш беспризорный ребёнок? Документы быстренько предъявили! Понятно. Тоже вахтенный метод?

– Пока только ищем.

– А здесь по какому праву?

– Да вот нам на недельку уступили. Добрые люди.

– Понятно. Тем – добрые, этим – добрые. А за нарушение частной собственности знаете что? Ребёнка как зовут?

– Нюся.

– А по-людски?

– Анна. Анна Григорьевна Пенкина. Шесть с половиной лет.

– Ну, Анна Григорьевна, рассказывай, зачем, кому знаки подавала.

– Да она не понимает так! Давайте я ей объясню, на какой вопрос отвечать надо!

– Ладно. Вы мать, вы и объясняйте.

– Нюся, расскажи дяде, ну, как нам рассказывала, как кран рисовала, кран-птицу, как голубков делать начала, как на грабли решила насадить, чтобы погулять выпустить.

– Да откуда здесь грабли-то взялись?

– Мы и сами не знаем. Вот она нашла. Искала-искала, что до форточки достаёт и нашла. Где они, Нюсенька, стояли?

– Да вот в том уголку. Их не видно вообще-то было. Я ходила-ходила, искала-искала и рукой случайно задела.

– Всё ясно. В основном. Бригада ремонт сделала, ключи коррупционно продала, это понятно. Но вот грабли? Ладно. Ну, Пенкины, сколько вы здесь еще торчать собираетесь?

– Четыре дня осталось.

– Работу найти планируем?

– Нашли. С завтрашнего дня. На озеленении.

– Ну, повезло вам, что вовремя под рукой оказались, а то до опеки бы дело дошло. Сидите тихо! Чтобы никаких мне тут миазмов!

– А вы тут чего тут столпились? Что интересного? Уладили всё. А кто из вас, кстати, меня вызвал-то?

– Да консьержка наша, Егоровна. Матвеевна ей с этажа позвонила, что ломятся, она и вызвала.

– Консьержка? Егоровна? А у ней баушка... Ну, цирк. Просто цирк.

– Здравсьте. Вот мимо иду, думаю, дай поблагодарю за бдительность. А где у вас постоялица-то прячется?

– Да я, да она... А что, я родственницу уже и принять не могу? Уж совсем законы обнаглели!

– Да не шумите вы, мне документ посмотреть нужно.

– Ну, здравствуйте, Антонина Петровна восьмидесяти двух лет. Путешествовать-то не боитесь?

– Да у меня внучек, Сашенька... Ему...

– Не нужно. Знаю. Уезжаете через неделю! Чтоб тихо мне, а то...

– Да в чём провинились-то мы? Внук – на вахтенном, всё законно.

– А ночует где? А в дверь ломится? А?

– Да в какую дверь?

– На пятом! Вот сидит у меня теперь под замком.

– То-то я жду его на обед... А как же это он? Зачем же это он?

– Да это всё вы: знаки, миазмы. Ладно, сейчас придёт. Ну, цирк. Ещё и грабли.

– Грабил? Да чтоб он хоть раз чужое...

– Да всё норм, баушка, сейчас придёт.

– Мам, пап, а правда я здорово придумала? И голубков, смотрите, как много.

– Завтра с нами поедешь. Будешь по парку целый день бегать.

– И Москву посмотрим, да? А дядя этот, который стучал, он плохой? А тот, что приходил, он хороший?

– Да все неплохие. Только тут Москва – свои дела, свои правила. Не знаю, чем грабли-то ему помешали?

– Пап, а ты можешь моих голубков выпустить? Ты же взрослый, тебе ничего за это не будет. Можешь?

Полетели из форточки бумажные птички. Одна из них спланировала на рукав прохожего. Подбросив голубка, прохожий поднял голову вверх и помахал девочке, уткнувшейся носом в оконное стекло.

А Я СИЖУ ДОМА

Небольшая передышка- моя собеседница отвечает на телефонный звонок. Смотрю на седоватые, выбившиеся из прически прядки, на взволнованное еще молодое лицо. Пришла ко мне посоветоваться – порекомендовали. Убрала телефон, смотрит с надеждой.

– Простите, вернусь через минуту.

Нужно сменить обстановку, проветрить мозги – час уже толчем воду в ступе.

Друзья называют меня хахом гадоль, светлая голова, – верят, что я могу решить любой вопрос, приходят сами и знакомых присылают. А я сижу дома, люблюсь рыбками в чисто вымытых аквариумах и слушаю музыку. Живу на покое. Заслужил, говорят друзья.

Хозяйством занимается Анна, родственница, седьмая вода на киселе. Ей тоже когда-то помог. Сжились, ладим. У нас есть хобби. Рыбки золотые и винил – у меня. У нее – сказки, пишет и переводит по подстрочнику с каких-то экзотических языков. Анеля моя –горбунья, карлица. Ее я действительно вытащил за прекрасные длинные волосы из большой беды. У нее кукольное лицо и синие большие глаза.

Хорошо у нее в комнатке... Накинув шаль, ушла Анеля на кухню чай заваривать для гостьи, а я за ее столом посижу, из окна погляжу...

Почерк у Анны, как у нашей общей двоюродной бабки- слала письма из Америки во все родственные семьи, давно-давно, в семидесятые, когда дети еще собирали марки. Недавно вывалилось одно такое из третьего тома Томаса Манна – решил перечитать великий роман, но дальше первой длинной фразы вступления : « История Ганса Касторпа, которую мы хотим здесь рассказать...» дело не пошло. Содержавшиеся в письме сведения о выставке кукол (бабка шила им платья) , показались важнее...

Но надо возвращаться к скучной гостье, уж заждалась, наверное, бедная.

– Извините.

Сидит, смотрит, пальчики аккуратно салфеткой вытерла.

– А зачем вам все-таки что-то здесь, если у вас там есть все?

– Но мне положено!

– Вы ведь знаете, что я не юрист? Знаете. И пришли...

– Пришла, чтобы узнать, что вы думаете, ну, обо всей ситуации.. Картине в целом.

– Картине в целом... О вашей истории? И я вам скажу. Вот оставайтесь с нами обедать, а после сказки читаем. Подумайте, вы же все равно в тупике. Ну, так сдайте назад, попятьтесь, развернитесь. И припаркуйтесь. Вы же водите?

– Конечно. В Америке..

– Понимаю. А я даже и не учился, обошелся как-то без автомобиля.

Сидела на диване, листала альбомы, пока мы на стол накрывали. И напряженно думала о паспорте российском, который сначала незаконно дали, потом незаконно отобрали, а ей нужно, чтоб был, потому что по закону...

На часы поглядывает. Конечно, ей кажется., что время зря теряет. Ну, да, теряет – я же не могу ей выцарапать документ, бизнес здесь наладить. Но могу посоветовать не лезть в мышеловку, к тому же платную.

Ест с аппетитом, еще бы, кто бы от Анелиного борща отказался, носик чуть покраснел от капельки водки. Расслабилась, отдыхает. А потом уйдет отсюда с пустыми руками, ни с чем. Что ж делать?

Читает Анеля, слушаю я, слушает она.

– И вот уносит человек свое. Нужно, кулек в руке зажал, улыбается. Дошел до реки, сел передохнуть, заглянул в кулек, а оттуда кузнечики прыг-прыг и давай стрекотать в душистой, свежей траве. Рассердился поначалу человек – обманул кудесник, но заслушался, в небо засмотрелся, да и задремал. А, проснувшись, и не вспомнил ни о каких заботах. Отвязал лодку, переплыл на другой берег и домой пошел.

– Ну, принес, что нужно? – жена вопросом встретила.

– А что нам нужно-то? Все есть: ты, я, дом, сад. Послушай-ка, лучше, как стрекочут.

И уселись на крылечке кузнечиков слушать.

Встала. Глаза прищурила, губы в ниточку.

— Так что, мне ничего не делать? Мне вот вас порекомендовали... А вы не знаете, точнее, и знать не хотите. Сказка эта... И вопросы вы странно ставите... Как это паспорт может быть не нужен? А гражданство? Впрочем, для вас это пустые слова. Вы же у себя.

Ушла. А я сижу у себя – музыку слушаю. Дома сижу. Вот, звонит – кто бы сомневался.

— Извините, я была невежлива. Вы так меня приняли ... И ваша сестра. Я, знаете, как-то по- другому теперь вижу...

— И вам спасибо.

Все, можно выключить телефон, одного визита достаточно.

Каждый приносит свои беды, заботы, секреты мне, затворнику. Так я и узнаю, почем сейчас фунт лиха, в какую цену идет доброе слово и за чем нынче злые мачехи посылают в лес бедных девушек.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРОШЕНИЕ

– Лужи, как вы прекрасны: тоненький контур по нижнему веку, по верхнему веку... Тоненький контур.

Лужи, ярк ваш свет, невыносимо сиянье. Дождик прошел. Высохли слезы , и подведенные глазки смотрят в промытое небо.

– Может быть, вы и про лягушек что-нибудь сочините?

– Про лягушек уже достаточно сказано. Вот лягушку – царевну очень люблю. Уважаю ту, что из кадушки выбралась.

– А другая – то, как говорится, того.

– В том и назидание!

– А какой смысл в вашем славословии?

– Никакого. Кроме вечного. Кстати, о вечном. Снится мне , что говорю я женщине: « Мы должны с вами поцеловаться нежно и страстно – все остальное просто акробатика», а тут кричат: «Контроль!»

– Это в электричке , значит?

– Ну да. Спросенок-то не сообразишь, куда бежать.

– А я вас за руку дернул, и вы за мной . А потом споткнулись...

– Да, я упал. Вы помогли подняться.

– Электричка ушла, вы предложили до следующей пересидеть у озера.

– А чего целый час на станции болтаться?

– Но хлынул дождь. И мы встали под дерево. Вымокли, конечно.

– Ну, дождь был недолгий, и снова солнце, и небо чистое, и лужи... А почему, кстати, вы заговорили о лягушках?

– Да это я так. Меня вот удивляет, что вы в вашем возрасте, с такой внешностью, как сказали бы женщины, выигрышной, от контролеров бегаετε.

– Я не имею средств. Не вовремя эти появились – одну остановку не доехал – мне в Фаустово. Там у меня назначена встреча. А я ведь, представьте, тайный монах. Монах в миру. Нестяжание – одно из наших правил.

– Про монахинь в миру слышал, одну даже видел – сестру бабкину. А вот чтоб мужик, мужчина то есть, по собственной воле... Но вам ведь снилась женщина, баба, то есть...

– Искушение, мой молодой друг, искушение. А мы ведь с ней, тоже в некотором смысле монахиней, так же познакомились.

– Да с кем?

– С той, к которой ехал.

– Что, от «контроля» убежали? С монашкой?

– Фу, молодой человек, сказал же – с тайной монахиней. Привела она меня сюда, и мы обрели друг друга.

– В смысле?

– В смысле отвергли плотское. Хотя выпили. Да, не стеснясь друг друга, выпили. Но без грязи! А потом она – в Фаустово, у нее там полдома, а я – на 88, у меня там одно дельце было. И вот сегодня, спустя неделю, я к ней.

– Созвонились?

– Это для детей! Договорились и баста. Ждет. Ну а теперь давайте-ка о вас, минут двадцать еще есть. Куда путь держите, почему зайчкуете?

– Сократили. Выходное пособие проели. Ничего романтического. У нас на уме одно, простите, «четвертое прошение».

– Пардон, не понял

– Да я бы и сам не понял – жена растолковала. Тут ночью по радио передавали стихи норвежца знаменитого, на Г, кажется.

– Гамсуна? Да он же не поэт!

– Нет... Этого, как его.. Ибсена, вот. Пьеса в стихах. И там так : Весь ваш «отче наш»...та-та... «лишен крылатой воли» та-та... «доносит до небес лишь четвертое прошение... та-та ».

– Понял – понял: «хлеб наш насущный». В Москве живете?

– В Москве работал. Вот к ребятам ездил – вдруг что-то где-то. Но нет...

– А я ведь могу вам помочь. Пойдемте, сейчас уже электричка. Вам до какой?

– До...

– Неважно. Провожу. Обсудим.

– Но...

– Ну вот, сядем рядком, поговорим ладком. Контроля не будет.

- Откуда вы...
- Интуиция. Итак, я дам вам ключи от моей квартиры. Рыскайте по Москве, ищите, что-нибудь обретете.
- А вы? А вдруг мы ?
- Аферисты? Завладеете собственностью? Да на здоровье. Мне давно все осточертело. У вас «четвертое прошение», у меня – эскапизм.
- Это...
- Неважно. Главное – я предпочитаю удаленный доступ. Я со своей – здесь обретенной – уж как-нибудь в простой лачуге при разбитом корыте, если что, проживу.
- Но как вы так можете, ни имени моего, ни паспортных данных. Чудовищно просто!
- А вот съедемся через неделю, познакомимся.
- Мне выходить.
- Выходите. Значит, через неделю на озере. Передам ключи.
- А вы ? Куда же вы едете? Вас ведь ждут...
- Дорога нравится. Не спешу, потому что знаю, что ждут. И вас я буду ждать. Не забудьте – через неделю.
- Но...
- Созвониться хотите? Уточнить?
- Не, я понял. А с женой... С женой можно?
- Нужно!

Содержание

Пьесы

Родинка	6
Сцена первая.....	6
Сцена вторая.....	6
Сцена третья.....	9
Держите за руку детей.....	10
Попутчики.....	13
Договор о намерениях	23

Рассказы

Актриса	30
Бедная родственница.....	32
Близнецы.....	34
Химеры.....	36
Милые.....	43
На окраине.....	45
Молнии.....	47
Не задавай вопросов, Майя !	48
Ножницы.....	50
Орхидея.....	52
Парочки.....	54
Петух и чайка.....	58
Посланцы будущей зимы.....	60
Пятна Роршаха.....	62
Сближение	64
Теодор и Арсения	66
Просто, грубо, чисто	68
Термометр.....	69
Сухой букет.....	74
Белая нитка.....	76
Тукумс – столица цыган.....	79
Бумажные голубки и подъёмный кран.....	81
А я сию дома.....	85
Четвертое прошение.....	88

На обложке использована картина
Клары Голицыной

Наталья Стеркина

Посланцы *будущей зимы*

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать 25.02.2020. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,875. Тираж 250 экз. Заказ 120.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»